

Елена Медведева
Валентина Изотова

МОЗГ В ЧЕМОДАНЕ

НЛП для
бизнесвумен



**Елена Владимировна Медведева
Валентина Изотова
Мозг в чемодане.
НЛП для бизнесвумен**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17663839

Мозг в чемодане. НЛП для бизнесвумен. / Медведева Елена, Изотова

Валентина.: АСВ; Москва; 2011

ISBN 978-5-93093-808-1

Аннотация

Мозг в чемодане

В начале девяностых проживающий в Штатах советский журналист Андрей Дизель волею случая оказался объектом опасного эксперимента над человеческим мозгом, осуществленного нейрохирургом генералом Робертом Асинугой. Вернувшись на Родину, Андрей делает для себя открытие: подобными экспериментами занимаются и в России под руководством профессора Владимира Раевского. В проводимых им исследованиях участвуют многие близкие ему люди, в том числе, и дочь Люба.

Преподаватель университета Любовь Раевская в свободное время пишет стихи и рассказы. Постепенно она начинает замечать, что приходящие в голову строки не случайны – они

отображают события прошлого и будущего, связанные, главным образом, с природными катаклизмами и терактами. И более того, накануне крупных катастроф ей звонит некто неизвестный и предупреждает о грядущей опасности. Кто он? Люба теряется в догадках и начинает расследование.

НЛП для бизнесвумен

Молодая женщина-предприниматель попадает в поле зрения международного клана экстрасенсов. Ей обещают, что в недалёком будущем её примет в свои объятия госпожа-удача. Что это? Происки мошенников или помощь магов действительно поможет ей круто изменить к лучшему свою судьбу? Об этом расскажет остросюжетный детектив.

Содержание

Мозг в чемодане	5
Предисловие	5
Глава 1. Побег	9
Глава 2. Охотник за сенсацией	42
Глава 3. Протуберанцы подсознания	109
Конец ознакомительного фрагмента.	143

Елена Медведева, Валентина Изотова Мозг в чемодане. НЛП для бизнесвумен

Мозг в чемодане

*Памяти нашего отца – известного астронома,
вице-президента ВАГО, доктора физико-
математических наук, профессора Владимира
Вячеславовича Радзиевского посвящается*

Предисловие

Подмосковье. Семинар в КБ при закрытом институте мозга. На стене экран. Палящее солнце Гаити, золотые пляжи, буйная роскошь тропического леса. Группа застывших в молчаливом ожидании туземцев наблюдает за действиями колдуна. Извиваясь в танце, колдун приближается к привязанной к столбу жертве, достает мешочек с каким-то порошком и, высыпав щепотку в чашу с жидкостью, подносит ее к губам пленника. Бронзовое лицо мужчины становится блед-

но-серым, глаза стекленеют, безвольно свисают руки. Признаков агонии почти нет – лишь слабые судороги, но дыхание замирает, слабеет пульс, и только веревки предохраняют от падения неподвижное тело. Совершив над трупом обряд, колдун запечатывает глиняный кувшин – теперь в нем нашла пристанище душа покойного, теперь в руках колдуна полная власть над ней и ее прежней оболочкой. Завороженные ритуалом туземцы наблюдают, как колдун бережно освобождает тело от пут и осторожно опускает его на дно неглубокой ямы.

Полночь. Только свет далеких созвездий мерцает в необъятном мраке южного неба. Черный колдун раскапывает могилу – начинается многочасовой обряд оживления. Горячие лучи полуденного солнца окутывают теплом холодное тело мертвеца, вот он уже подает первые признаки жизни. Он может пить, двигаться, он испытывает чувство голода и даже может говорить, но в нем полностью отсутствует то, что делает человека человеком – мысли и чувства. Он просто зомби, ходячий мертвец.

Красивая дама приглашает на трибуну высокого и стройного мужчину – профессора Анатолия Орлова.

– Вы видите перед собой лицо гаитянского зомби. Колдунам Гаити давно известна тайна порошка, при помощи которого можно привести человека в подобное состояние. Согласно широко распространенной легенде, последователи возникшей в Западной Африке религии Вуду способны воскрешать мертвецов и превращать их в зомби. Однако все по-

пытки раскрыть тайну порошка и провести опыты по зомбированию в лабораторных условиях заканчивались неудачей.

– Я не верю в подобные сказки, – перебил оратора невысокий мужчина с непропорционально большой головой и огромным выпуклым лбом – профессор Владимир Раевский.

– Нами получены данные, что в состав порошка входит неизвестный нам нервнопаралитический газ, выделенный из ядовитых обитателей океана. Еще до войны агентура немецкой разведки пыталась разгадать его состав. Они проводили эксперимент в лагерях, безжалостно уничтожая использованный «материал».

Зомби – это живые люди, в мозг которых заложена программа на осуществление поставленной задачи. Существуют десятки способов вторжения в человеческий мозг. Например, на музыку накладываются скрытые команды, которые вы не слышите. Но ваш мозг слышит и повинуется. Ваше подсознание воспринимает команды как указание к действию. И противостоять им не может никто. Группа ученых нацистской Германии, занимавшаяся превращением людей в боевых роботов, достигла заметных результатов в изучении человеческого мозга. По окончании войны некоторые из них нашли убежище в труднодоступных местах планеты и продолжили свою деятельность, сумев продлить свое земное существование. Их целью является доведение мозга до такого уровня совершенства, при котором станет возможным кон-

такт с иными мирами с помощью торсионного поля. Государство финансирует наши исследования из опасения, что в руках этих людей окажутся новые, пока не известные землянам технологии. Однако рассчитывать мы можем только на добровольных участников эксперимента.

– Но наши опыты ставили перед собой гуманную цель – лечение шизофрении и изучение процессов в мозге гениальных экстрасенсов, – заметила директор КБ, – однако, если меня спросят, что я знаю о человеческом мозге, я отвечу: почти ничего. Мы движемся черепашьям шагом в исследовании механизма формирования канала связи человеческого мозга с космосом.

– Если кто-то изобрел нож, то один будет резать им хлеб, а другой – горло. Для того чтобы нашими открытиями не воспользовались криминальные структуры, наша деятельность строго засекречена. Однако продолжение эксперимента с участием отдельных добровольцев – единственный шанс вступить в контакт с неземным разумом или параллельными мирами, если они действительно существуют.

– А сейчас разрешите представить вам нашего спонсора, который долгое время хранил инкогнито. Это финансист Андрей Дизель.

Глава 1. Побег

Нью-Йорк, 1985.

Квартира, которую снимает советский журналист Андрей Дизель.

Андрей сидит за пишущей машинкой. Стол, кресла и пол завалены бумагами, вырезками из газет, в том числе – из газеты «Аргументы и факты». На первой странице – портрет Михаила Горбачева. Увлеченный работой, Андрей не сразу откликается на дверной звонок.

В комнату входит чернокожая горничная. С укоризненным видом разглядывает беспорядок.

– Салли, я же просил не беспокоить меня, когда я работаю!

Горничная мнется.

– Я пришла не убираться, мистер Дизель. У меня для вас две новости: одна приятная, другая не слишком. С какой начинать?

– С неприятной, конечно.

– Хозяйка миссис Джонсон вынуждена вдвое повысить арендную плату.

– Черт бы побрал эту старую скрягу!

– Из любой ситуации есть выход. Миссис Джонсон предлагает вам уступить одну из ваших комнат очень приятному соседу.

Андрей Дизель выругался про себя, но вслух сказал, что одиночество ему надоело, и он не возражает против второго жильца.

* * *

В комнату входит миссис Джонсон в сопровождении высокого широкоплечего мужчины лет двадцати восьми с добрыми, но слегка грустными глазами. При виде Андрея физиономия миссис Джонсон сначала вытянулась, а затем порозовела до кончиков ушей – она еще плохо знала в лицо всех жильцов недавно доставшегося ей по наследству дома, но этот симпатичный парень давно был ею замечен. Миссис Джонсон благоволила к красивым мужчинам и потому была искренне огорчена своей оплошностью. Однако теперь ей ничего не оставалось кроме как сделать строгое лицо и предупредить жильцов о соблюдении в квартире идеального порядка.

– Позвольте представить: мистер Михаил Валецки, ваш соотечественник.

Михаил протягивает руку, но Андрей сильно раздражен. Все ясно: ему больше не доверяют – подослали агента.

– Я американец и не имею никакого отношения к КГБ, – со смущенным видом пробормотал Михаил.

– Но откуда вы так хорошо знаете русский?

– О, это долгая история. А вы, как мне сказала миссис

Джонсон, репортер газеты «Калейдоскоп». Обожаю репортеров, но, к сожалению, не могу похвастаться тем, что являюсь «репортерской дичью»: не богат, не властен, не славен. Бывший штурман авиации, уволенный за участие в забастовке. Теперь вот работаю таксистом. Но, думаю, нам будет, о чем поговорить.

– О чем же вы хотите поговорить со мной?

– О контактах с внеземными цивилизациями, например.

– А ты, парень, мне начинаешь нравиться. Едва познакомился, а уже готов делиться своими мыслями.

Михаил пристально, даже испытующе посмотрел в глаза Андрею, как будто надеялся увидеть в них интерес к своей персоне или хотя бы понимание.

– Это потом, а пока надо решить земные проблемы.

* * *

Китайский ресторанчик. Андрей и Михаил увлеченно беседуют.

– Самые приятные ощущения, – говорит Михаил, – когда летишь утром навстречу солнцу на большой высоте. Полупрозрачные перистые облака – складки на голубом фоне... Хотелось бы слетать в космос! Состояние полета не сравнить ни с каким другим. Но предлагать себя в качестве космонавта бесполезно. Это лотерея, счастливый выигрыш достается одному из миллионов. Разве что попытаться принять

участие в каком-нибудь опасном секретном эксперименте... Даже смерть в Космосе – выигрыш для многих, живущих на Земле. – Михаил грустно улыбнулся уголками губ. – Я готов предложить свое тело, свой мозг, даже если потомкам не будет известно ни мое имя, ни моя биография. Они даже не будут знать, что погиб человек в Космосе...

– До сих пор я считал, что людей использовали в качестве подопытных кроликов только в нацистской Германии.

Михаил ядовито усмехнулся.

– Ты забыл о Пьере и Марии Кюри, о сотнях других ученых, готовых на смертельный риск ради будущего.

– Подумай, как это страшно – погибать где-то в черной бездне и знать, что никто не подозревает о твоих мучениях. Знать, что будут превозносить кого-то другого: того, кому ты своей жизнью проложил путь к славе. Никто не предъявит им обвинения, потому что никто об этом не узнает. Нет, я тебя не понимаю. Прими мой дружеский совет: обратись к психоаналитику.

– У меня ничего не осталось в этой жизни – мне нечего терять. К тому же всегда есть шанс остаться в живых.

Этот разговор происходил вечером в понедельник. Воскресенье для Андрея – репортера вечерней газеты и для Михаила – шофера такси, всегда являлось днем наибольшего физического и нервного напряжения. А в понедельник Андрей отдыхал от газетной сутолоки в этом уютном ресторанчике. Ему было приятно небрежно поддерживать речь легко

воспламеняющегося друга. Да, они уже успели подружиться за это короткое время. И однажды Михаил, словно ощущая себя виноватым в том, что не является для Андрея «репортерской дичью», рассказал ему удивительную историю своей жизни.

Рассказ Михаила

В годы Второй мировой мой будущий приемный отец уехал из России в Штаты, где жили его родители.

Иосиф быстро вошел в курс дела отцовской типографии на Кони-Айленде и рекламного агентства. Большинство заказов поступало от Американской информационной службы. Часть персонала забрали в армию, и старик был счастлив, что сын сможет стать преемником.

Главным финансистом для них стал ювелир Изя – родной брат моей матери Сэйры Розенман, которая с мужем Леоном и сыном Мишей, то есть со мной, жила в Ярославле. Спрос на ювелирные изделия в последние годы резко упал, и дядя усиленно искал объекты новых инвестиций.

Объединяли их и личные проблемы. Сын Иззи не вернулся с Западного фронта и числился в списке пропавших без вести. С каждым днем надежды Иззи на его возвращение таяли как бриллиантовые лучи в черном бархате. Иосиф стал для него вторым сыном. Он также был одинок и не женился, несмотря на мольбы отца.

Вот уже несколько лет Иосиф писал письма в Россию.

Они были адресованы девушке из Ярославля Марине. Стены небольшой комнаты, смежной с его офисом, были увешаны фотографиями красоток, которых он снимал для Плейбоя. И все они были чем-то похожи на нее.

Иосиф описывал Марине все подробности своей жизни, и его письма постепенно превращались в роман о воплощении американской мечты. Сначала у него была однокомнатная квартира с дешевым линолеумом на полу и покрашенными масляной краской стенами. А теперь гостиная длиной в 30 футов в его роскошной квартире на Манхэттене с тремя спальнями и четырьмя ваннами была обставлена дорогой мебелью, стены увешаны картинами. Из окна шириной во всю стену открывался прекрасный вид на залив. У него был черный лакированный лимузин, десятки костюмов.

Иосиф был избалован широким ассортиментом живого сексуального товара. И как это довольно часто случается с очень красивыми и удачливыми мужчинами, сделал странный, с точки зрения окружающих, выбор. Подобные ему предпочитают либо самого непритязательного и верного спутника по жизни, либо самого неординарного и независимого. Марина, по его мнению, могла бы стать идеальной женой, но она была недоступна. Он отсылал письма по почте, передавал через знакомых, отправляющихся в Союз, но ответа не было.

Его собственные родители были в его глазах живым воплощением неизбежного финала любой самой пылкой люб-

ви. Девять лет любовной страсти превратились в итоге в утомительное сосуществование на уровне быта, в лабиринт из повседневных забот, мелких ссор, усталости друг от друга и скуки. И Иосиф уже сам начал предполагать, что движет им не стремление заполучить Марину, а мазохистское желание испытывать любовные страдания. Это был не требующий особых усилий элемент романтизма в его американской жизни, где каждая минута насыщена конкретным действием.

* * *

Иосиф включил зажигание. Форд плавно двинулся с места. Он вырулил на дорогу, ведущую к причалу. Изя уже ждал его на своей яхте. Внезапно у него возникло ощущение, что в потоке машин он не является независимой единицей, следующей общим правилам дорожного движения – кто-то отслеживает его маршрут. Сердце застучало по грудной клетке.

– Мне нельзя больше пить, – решил он. – Нервы шалят.

Через несколько дней заканчивался срок выплаты кредита. Изя обещал помочь, так что причин для особого волнения у него не было. И все же...

Иосиф свернул на боковую улицу. Следом за ним такой же поворот сделал джип цвета морской волны. Джип проехал вперед полквартала и остановился. Из него вылез мужчина в темных очках, развернулся лицом к Иосифу и застыл

на месте, скрестив руки на груди. Иосифу определенно казалось, что тот пронизывает его взглядом сквозь темные стекла солнцезащитных очков.

Вдруг мужчина с радостным видом замахал рукой.

– Может быть, это знакомый, и я просто не узнал его, – подумал Йосиф.

Он обернулся. По тротуару шла Марина. Йосиф надавил пальцами обеих рук на веки, не веря своим глазам.

– Хелло, босс, – девушка игривым тоном приветствовала его. – Давно тебя не было видно.

Йосиф открыл глаза. Это была модель, которую в прошлом году он снимал для Плейбоя. Ее звали Рита.

Когда он впервые увидел ее, у него сразу же возникло желание открыть фотостудию. Девушка была фантастически похожа на Марину. Рита с ее славянской внешностью отличалась от тоненьких, как спичка, американских моделей. Но формы ее были удивительно пропорциональны и соблазнительны. Пухлые влажные губы, созданные для поцелуя, зеленые глаза колдуньи и такие же каштановые пейсы как у Марины... Они не виделись уже месяц после очередной ссоры.

– Извини, босс, меня ждут. Поговорим в другой раз.

Рита направилась к джипу. Мужчина в очках с видом собственника обхватил ее за плечи и подтолкнул в салон...

Москва. 1956 г. Управление «Х» НКВД

Генерал Петр Николаевич удобно расположился в кресле напротив начальника контрразведки.

– Итак, какие подвижки в операции «Роза» мы имеем на сегодняшний день?

– Состояние Иззи оценивается в 500 миллионов. Он сделал ряд выгодных инвестиций в рекламу нижнего белья, в производство сельтерской, пепси-колы и ряд других. По нашим сведениям его сын умер от истощения в Дахау. Супруга далека от бизнеса. Прямых наследников, кроме Сэйры Розенман и ее сына Миши, у нее также нет. Владимир Раевский имеет все шансы внедриться в бизнес.

– Ты не говоришь о главном препятствии: бизнесмен Иосиф Черняк все больше сближается с Изей. Тот относится к нему как к родному сыну. И Иосиф единственный, кто хорошо знает Владимира в лицо. Его придется убрать. Операция по его ликвидации поручена агенту Марго...

– Мы не можем ей доверять. Она наркоманка – может все испортить.

– Она сделает, что требуется, а потом... Наркоманы вообще долго не живут...

Нью-Йорк. 1957 г.

Шофер и охранник Иззи – чернокожий бразилец Паоло любовно поглаживал ручку коробки передач.

– Нравится машина? – спросил Иззи.

– Фантастика!

– Я заплатил за нее черным налогом. Уникальный бронированный экземпляр. Сэйра и Миша будут в восторге...

Иззи ехал в порт встречать семью Розенманов. Полгода потребовалось ему на то, чтобы сначала убедить их приехать в Штаты, а затем согласовать все формальности в Советском посольстве...

В час пик под мостом, где трасса сужалась до трех полос, как обычно, образовалась пробка. Неожиданно автомобиль Иззи подрезал слева темно-синий джип. Паоло едва успел вывернуть руль и свернуть к обочине. В этот момент в зад «въехал» старенький форд. Секундное колебание, и Паоло, резко нажав на тормоза, врезался в задний бампер джипа. Из джипа выскочил мужчина в черных очках. Он был вне себя от ярости.

– Куда смотришь, черномазый придурок?!

– Что ты сказал?! Ну-ка повтори! – Паоло нащупал рукой лежащий в правом кармане пистолет.

– Стойте! – закричал Иззи, доставая чековую книжку. – Сколько ты хочешь?

– 2000 наличными.

– Ты с ума сошел!

– Тогда вызывай полицию.

– Я очень спешу.

Изя лихорадочно рылся в карманах, заранее зная, что больше трехсот долларов он не найдет.

– Хотя ты и подонок, – буркнул Паоло, – ради хозяина отдам тебе все, что у меня есть.

Мужчина медленно пересчитал мелкие банкноты. Он явно тянул время.

– Этого мало.

Изя выписал чек на тысячу.

– Думаю, что в твоих интересах не раздувать дело, – бросил он, указывая рукой на джип. – Когда ты успел перекрасить армейскую машину?

– С чего ты взял? – уже менее уверенным тоном произнес мужчина.

– Бери чек и проваливай, пока мы действительно не вызвали полицию! – завопил Паоло.

Изя взглянул на часы. Они явно опаздывали к прибытию «Аризоны».

– Как все это было некстати, – подумал он. – Сестра будет так волноваться!

* * *

Сэйра и Леон Розенманы, держа за руки Мишу, который с трудом оправился от морской болезни, испуганно озирались вокруг.

– Будем ждать еще? – спросил носильщик. – Нет никаких проблем. Тут полно таксистов.

Чернокожие таксисты наперебой предлагали свои услуги.

– Куда ехать? – спросил светловолосый мужчина с красным курносым носом, похожим на картофелину. Он говорил по-английски с явным акцентом.

– Пани случайно не с Украины? – последний вопрос он задал на украинском.

– Эмигрант?

– Живу здесь уже десять лет. Знаю Нью-Йорк как свои пять пальцев.

Леон достал блокнот и быстро написал адрес.

– Нам придется немного пройти, – сказал водитель. – Машина за углом.

Таксист услужливо распахнул заднюю дверь желтого форда с затемненными стеклами, и в этот момент Миша увидел в его левой руке револьвер. Дальше все смешалось: несколько бесшумных выстрелов, струйка крови, стекающая по белой кофточке Сэйры... Крик Леона, уже разместившегося на заднем сидении, захлебнулся в бьющем из артерии фонтане. Одной рукой бандит затаскивал Сэйру в салон, а другой держал за рукав онемевшего от ужаса Мишу.

Миша инстинктивно ухватился за ворот своей рубашки и резко рванул застежку. Рубашка осталась в руках блондина. Мальчик пролез под капот, выполз с противоположной стороны и бросился на проезжую часть.

На перекрестке наперерез ему свернул роскошный автомобиль и затормозил в нескольких дюймах от него. Чернокожий шофер сгреб его в охапку своими огромными ручищами. У Миши свело скулы. Он силился что-то сказать, но гортань не подчинялась ему. Наконец долгожданный крик прорвался через немоту потрясения.

– Мама! Мама!

Из машины вышел сутулый мужчина лет пятидесяти с заметной сединой на висках.

– Как зовут маму? – взволнованно спросил он на русском.

– Сэйра.

– Где она?

– Там... там кровь, – зарыдал Миша. – Ее убили.

– Как твое имя?

– Миша.

Миша?!

Мальчик закивал головой. Все дальнейшее заставило его на какое-то время отвлечься от недавнего кошмара: звук полицейской сирены, гигантского роста люди в форме, окружившие машину...

Очнулся Миша в мягком кресле. В очень красивой печке потрескивали дрова. От шерстяного пледа, в который он был закутан, исходило тепло домашнего уюта. Женщина в белом халате ласково погладила его по голове, затем вынула на поверхность его безвольную руку и сделала укол, быстрый и безболезненный.

В комнату зашла толстая мулатка с подносом в руках. У нее было некрасивое, но очень милое лицо и необыкновенно добрые глаза. Она поставила на столик тарелки с дымящейся яичницей с розовой ветчиной, сэндвичами и чашку горячего шоколада.

– Меня зовут Молли. – Я уже двадцать лет работаю служанкой в этом доме.

– Где мама? – спросил Миша.

– Не понимаю, – ответила служанка.

Миша повторил свой вопрос на английском.

– Все будет в порядке. Ты в доме твоего родного дяди Изи. А мама и папа скоро поправятся и приедут за тобой.

Миша с аппетитом начал уплетать яичницу...

Только что вернувшиеся из полицейского участка, Изя и Иосиф пили водку в соседнем кабинете.

– Надо что-то срочно предпринять, – взволнованно произнес Иосиф. – Меня не покидает ощущение, что это не просто попытка ограбления. Слишком много совпадений. Этот джип, из-за которого ты опоздал к приходу «Аризоны»...

– Простая случайность.

– У меня ощущение, что кто-то сел нам на хвост.

– Какие у тебя основания так думать?

– Никаких. Шестое чувство. Оно заговорило сразу же после того, как стало очевидно, что наши вложения в производство пепси принесут ощутимую прибыль. А неделю назад в потоке машин меня вел все тот же джип. Чтобы проверить

свои подозрения, я свернул на боковую улочку, и он сделал то же самое.

– Я думаю, что все это твои домыслы. Лично мне подозрительным кажется совершенно другое: убийца раздавил ампулу с цианистым кальцием в тот момент, когда на него надевали наручники.

– Может быть, он просто хотел избежать электрического стула.

– И все же, Иосиф, мой адвокат советует на время увезти Мишу подальше от посторонних глаз. Ты уже закончил ремонт на своей вилле в Калифорнии?

– Работа затянулась. Трудно найти мастеров, способных осуществить мой замысел. – Я хочу создать нечто вроде замка грез, в котором я смогу заново переживать все наиболее волнительные моменты своей жизни. Все комнаты в разном стиле. Но русская комната уже доведена до кондиции.

– Вот и отлично. Тебе самому давно пора позволить себе десятидневный отдых, а там посмотрим. Никто не заподозрит, что ты будешь отдыхать на недостроенной вилле.

– Но как ты один справишься? Тебе придется иметь постоянный контакт с полицией, затем похороны... А твое сердце?

– После того, как умерла моя незабвенная жена, Молли взяла на себя все заботы обо мне. Нянится со мной как с маленьким ребенком. Меня это вполне устраивает... Надеюсь, одного дня на сборы тебе будет достаточно? Я закажу биле-

ты в Лос-Анджелес на четырнадцатое, а сам займись всеми формальностями, связанными с мальчиком. Надеюсь, полиция пойдет мне навстречу.

– Я думаю, что Мишу лучше отвлечь от лишних расспросов обилием впечатлений. Отвезу его в магазин игрушек, куплю ему конструкторский набор.

* * *

Миша делал над собой колоссальное усилие, чтобы не показать, как он ошеломлен видом сверкающих витрин. Глаза его разгорелись – не верилось, что ему позволено выбрать из этого изобилия вещей, предназначенных для удовлетворения возможных и невозможных желаний, все, что он пожелает.

Он выбрал два игрушечных кольта, небольшой сборный велосипед, самокат, костюм индейца, сомбреро и лук со стрелами. Обычную одежду Иосиф купил ему сам. Но и она была великолепна: мягкие голубые джинсы, легкие хлопчатобумажные рубашки, трикотажные майки с яркими надписями и рисунками, замшевая куртка.

Иосиф доверял своему шоферу и прислуге, но, во избежание лишних свидетелей, был вынужден сообщить им об увольнении. Щедрое вознаграждение вынудило их не задавать лишних вопросов. И все же избежать встречи с ненужным свидетелем не удалось: у лифта стояла Рита.

Еще месяц назад он был бы на седьмом небе от счастья, если бы она укротила свою гордыню и попросила прощение. Он простил бы ей все только за то, что она так напоминала ему Марину. Рита была единственной женщиной, которая заставила его усомниться в том, что реальные взаимоотношения не выдерживают никакого сравнения с виртуальной мечтой о любви.

После того, как она вошла в его жизнь, он не перестал писать письма Марине, но не отсылал их. Письма превратились в дневник измененного сознания, стали единственными свидетелями его больной любви. Эта, так похожая на Марину женщина волновала его, заставляла испытывать ревность. Но Рита была больна: виски с содовой, а затем наркотики поставили крест на ее карьере суперзвезды. Выпив, она теряла контроль над собой, в ней просыпалась чувственность кошки. Десятки раз он выслеживал ее в кабаках и вырывал из лап чернокожих горилл.

Иосиф спрятался за коробками, но Рита уже заметила его.
– Какой милый мальчик! Ты ничего не рассказывал мне о нем.

– И эта шлюха разговаривает со мной так, как будто ничего не произошло, как будто мы расстались час назад, как будто из-за нее мне не пришлось на несколько месяцев забыть о желании потрахаться и проходить курс лечения у венеролога!

Но ничего не оставалось делать, как сказать ей:

– Привет, я рад тебя видеть. Зайдешь на чашечку кофе?

Миша с увлечением разбирал коробки с подарками. В индейском костюме с двумя кольтами в руках он выглядел как настоящий ковбой. Покрасовавшись полчаса перед зеркалом, он продолжил свое занятие.

Иосиф лихорадочно обдумывал, как поступить с Ритой.

– Выгнать ее, ничего не объясняя?.. Нет, это опасно. Она не отстанет от меня. К тому же в пьяном виде становится болтлива, как сорока.

– Ты смотришь на меня так, как будто хочешь ударить, – заметила Рита.

Она продолжала держать себя раскованно. Он взглянул на ее обтянутые черными капроновыми чулками стройные ноги, на знакомую складку в глубоком вырезе сиреневой блузки и почувствовал, что не желает, чтобы она ушла.

– Выпить хочешь? – спросил он.

– Я завязала с этим. Не беру в рот ни грамма, чтобы не сорваться.

– И давно так?

– Уже три месяца.

– Большой срок. Так чем обязан?

– Просто захотела навестить старого друга.

– А если честно!

– Если честно, ищу работу. Согласна на любую. Прошу тебя – дай мне последний шанс. Кроме тебя, мне не на кого опереться.

– Тебе придется подождать – я уезжаю недели на две со своим племянником.

– А няня едет с вами?

– У Миши нет няни. – Я хотел сказать: у Майкла...

– Миши? Какое странное имя! Ты ничего не рассказывал мне о племяннике.

– Ты просишь взять тебя на работу. Я готов взять тебя в качестве няни на испытательный срок.

– О, благодарю тебя, Йосиф. Ты самый добрый парень на свете. И ты можешь не сомневаться во мне...

Калифорния

Комната, в которую поселили Мишу, являла собой резкий контраст с окружающим миром: белоснежная русская печка с лежанкой, бревенчатые стены, большой деревянный стол с керосиновой лампой и самоваром посередине, хохломские ложки и суповые миски. А в двух шагах от этого привычного мирка – бескрайний простор океана, золотые пляжи, пальмы, упирающиеся в поднебесье, аккуратно подстриженные газоны, цветущие кусты чайной розы, наполняющие по вечерам воздух неповторимым ароматом. И еще небольшая яхта «Марина» у причала, акваланг и переполненная чаша впечатлений.

Каждое утро Рита намазывала его тело кремом от солнечных ожогов, и они вдвоем наперегонки мчались к берегу и ныряли в белую пену прибоя.

Двухметровый забор скрывал обитателей виллы от посторонних глаз, и за всю первую неделю Миша не видел ни единой души, кроме строительных рабочих. В основном это были пуэрториканцы, плохо говорившие на английском. Жили они в бараке, расположенном в пятистах метрах от дома. Работали в поте лица от зари до зари. Но как только смеркалось, пуэрториканцы собирались с гитарами вокруг костра на берегу, и чарующая экзотика латиноамериканских мелодий сливалась с экзотикой звездных россыпей южного неба.

Только однажды увидел Миша белый катер и мужчину, скользившего по волнам на серфинге. Они были на пляже вдвоем с Ритой, и от его внимания не ускользнуло, что при виде катера Рита схватила лежащее на шезлонге желтое полотенце и начала размахивать им как флагом.

– Ты его знаешь? – спросил он.

– Откуда? – Я здесь впервые, мы ни с кем не общаемся. Просто приветствовала спортсмена. Ты только взгляни! Как смело он врезается в гребень волны. Кажется, что невозможно удержать на своих плечах груз морской стихии. Но вот он снова лавирует и побеждает. Правда, здорово?

– Фантастика! – Я тоже так хочу.

– Еще научишься...

Вечером Иосиф разрешил Мише посидеть с рабочими у костра. Он уже знал несколько слов по-испански и понимал, что пели они о тяжелом, но прекрасном труде рыбака, о море и шторме, о любимой, которая ждет на берегу...

В пурпурном свете заката белеет одинокий парус. В следующую мгновение парус ныряет в темноту, и горизонт вновь замирает в своем кратковременном единении с лучами заходящего солнца.

– Майкл! Пора спать! – Рита помахала ему белым платком.

Миша неохотно поднялся и медленно пошел к вилле. Внезапно ему показалось, что кто-то, пригнувшись, крадется через кустарник. Он напряженно вглядывается в темноту сада, откуда раздавался шорох.

Из кустов роз, словно райская птица, выпорхнула знакомая фигурка в платье цвета южной ночи. Рита спешила к морю. Спустившись к берегу, она бегом побежала в сторону дальней ограды. Миша едва успевал следовать за ней. Не раздеваясь, она вошла по колено в воду и начала что-то искать на гладкой поверхности успокоенного штилем океана.

В двух метрах от того места, где стояла Рита, Миша заметил легкое волнение. Она сделала шаг навстречу брызгам и оказалась лицом к лицу со странным существом, похожим на инопланетянина. Это был человек в скафандре последней модели, но Миша никогда не видел ничего подобного – даже в кино. Первым его порывом было броситься на помощь Рите, но что-то остановило его. Теперь он ясно видел, что это был не марсианин, а человек. Он снял маску и обнажил свое лицо, мало чем отличающееся от тысячи других лиц. Рита была слегка взволнована, но никакого испуга он не заметил

в ее движениях. Следующим его порывом было стремление вернуться на виллу и сообщить Иосифу о том, что он увидел. И опять неприятное чувство зажало его в тисках неопределенности. Он на секунду задумался, а когда очнулся, услышал рядом голос Риты.

– Нет ничего восхитительней ночного купания в лучах заходящего Солнца – произнесла она, отжимая мокрые волосы.

– Рита, мне показалось, что...

– Я знаю, что тебе показалось. Сегодня праздник Бога морей Посейдона. Ряженые рабочие развлекаются...

– Они не говорили ни о каком празднике.

– Ты просто не понял. Они же говорят на испанском...

Иосиф с раздраженным выражением лица ждал их в гостиной.

– Я уже начал волноваться. Больше не гуляйте так поздно.

– Простите, дядя Йосиф. Я засиделся у костра. Эти пуэртиориканцы так хорошо поют. Рита была со мной.

– Хочешь, я приготовлю твой любимый коктейль с ананасом? – спросила Рита.

Йосиф улыбнулся.

– Для себя также сделай безалкогольный вариант.

Рита пошла на кухню и открыла холодильник. В нем уже стояли два фужера, прикрытые целлофановой пленкой. Она нарезала дольки ананаса и украсила ими коктейль. Затем достала из аптечки пакетик с каким-то порошком, высыпала

в один из фужеров его содержимое и, поставив фужеры на поднос, направилась в гостиную.

Проходя мимо кабинета, Рита на секунду задержалась. Впервые у нее появилась возможность взглянуть на ту загадочную тетрадь, с которой Иосиф не расставался все последнее время. Это был его дневник, который он наотрез отказывался показать ей. Было нелепо проявлять любопытство за минуту до того, как его автор должен будет покинуть этот мир. И внезапно она понимает, что делает это только потому, что надеется найти в дневнике нечто такое, что заставит ее нарушить приказ. Рита поставила поднос на стол и начала листать дневник с конца. Взгляд ее задержался на третьей странице.

«– Не бросай меня, – протянула она.

– Ты сама бросила свою жизнь в омут алкоголизма, – заметил я. – Я долго терпел, но всему есть предел.

– За пределом бывает беспредел, и, если ты любишь меня, протяни мне руку помощи.

– Если бы не любил, разве смог бы жить рядом с тобой в интервалах от бутылки до бутылки?

– Я же существую в интервалах между твоим бизнесом и твоими фотомоделями.

– Ты посмотри на себя. Твоя блузка надета наизнанку! И ты смеешь приходить ко мне в таком виде? Иди к другому, к тому, кто трахал тебя!

– Я не такая. Половой акт для меня – не просто физи-

ческое отправление. Он, действительно, попытался овладеть мной, но я сопротивлялась. Я была пьяна, и ему удалось уложить меня в постель. Но как только он приблизился ко мне, я превратилась в разъяренную кошку, расцарапала ему лицо. Он взбесился и ударил меня. – Я схватила блузку и выбежала на улицу. Там было темно, поэтому я и надела ее на левую сторону. Ты веришь мне?

– Хотел бы верить, но... Почему ты не лечишься?

– Если бы ты действительно любил меня, если бы тебя волновала моя болезнь, ты сам нашел бы доктора. Но ты никого не любишь, кроме себя. Поэтому и вообразил, что где-то за семью морями живет женщина, к которой обращены твои лучшие чувства...

Я подумал, что Рита отчасти права. Я эгоист. Она волнует меня. Может быть, это и есть та реальная любовь, от которой я так долго отказывался. Если бы это было не так, разве стал бы я терпеть возле себя это непредсказуемое существо? Отдать ей часть самого себя? Возможно ли это для меня? Но жизнь проходит. Не за горами ее вторая половина. И кто-то должен быть рядом. Кроме нее мне не нужен никто...»

Лицо Риты покрывается красными пятнами.

– Если я не выполню задание, меня ликвидируют. А если я сделаю это... Им не нужны лишние свидетели. Раз они решились на это, ставка в игре высока. Что же делать? Рассказать все Иосифу? Тогда убьют нас обоих.

Дрожащими руками она берет поднос и неуверенной по-

ходкой направляется в кабинет. Иосиф с открытой улыбкой на лице делает шаг ей навстречу и протягивает руку к бокалу.

– Чем ты так взволнована?

– Просто я так долго мечтала об этом.

– О чем же?

– О том, что ты, наконец, захочешь побыть со мной вдвоем.

– Годы жизни многое меняют, Рита. Я сегодня впервые подумал о том, что пора покончить со своей холостяцкой жизнью. Ты отлично поладила с Мишей. У нас может быть семья.

Рита застывает на месте, лихорадочно обдумывая, что сказать. Иосиф подносит бокал к губам.

– Я хочу сделать первый глоток из твоего бокала, – срывающимся голосом произносит она.

«Неловкое» движение, и смертоносные брызги вместе с осколками стекла падают на паркет.

– Второго глотка быть не могло, – со слезами в голосе говорит Рита.

Иосиф удивленно смотрит на нее.

– Я вызову Хулио, он уберет стекло.

– Не делай этого.

– Что это значит? – Брови Иосифа удивленно поднимаются вверх.

– Сейчас, сейчас, – бормочет Рита. – Я все объясню. В бокале смертельный яд.

– Ты хочешь меня отравить?

– Я получила приказ.

– Не вижу в этом логики, – со смехом произносит Иосиф. – Ты могла бы сделать это после свадьбы.

– Я не шучу, Иосиф. – Надеюсь, ты не хочешь, чтобы в качестве доказательства я приготовила питье для твоей собаки.

Иосиф погладил лоснящуюся спину лежащего у его ног коричневого добермана.

– Если ты отравишь мою собаку, тогда я точно не женюсь на тебе.

– Мое настоящее имя Римма. – Рита быстро заговорила на русском. – В картотеке КГБ я значусь под кличкой «агент Марго».

– Я не знал, что ты говоришь по-русски. – В голосе Иосифа появились первые нотки сомнения.

– У меня нет времени на изложение своей автобиографии. Только в двух словах. Отец – старый чекист. Погиб в гражданскую. В годы войны – разведовательно-диверсионная школа. Первое задание на территории Польши. Переброска в Штаты. Задание – стать любовницей бизнесмена Иосифа Черняка.

– Поздравляю с успешным выполнением второго задания. А третье?

– Я не выполнила ни второго, ни третьего задания. Меня отстранили от операции в связи с тем... в связи с тем, что я

призналась, что действительно люблю тебя. Тогда я и начала пить.

– И после того, как тебе потребовался почти год на то, чтобы меня разлюбить, тебе поручили ликвидацию объекта. Но какова цель?

– Я не разлюбила тебя, Йосиф. Они поставили на мне крест. Думаю, что меня уничтожили бы сразу по выполнению задания. О цели мне ничего не сообщили. Уверена, что за этим стоит какая-то большая игра. Сегодня вечером я встречалась с агентом...

– Агентом 001?

– Да, с самим резидентом. Он руководит операцией. Миша случайно увидел нас. Он может подтвердить.

– Я должен с ним поговорить, жди меня здесь.

Йосиф вернулся через пять минут. Он был бледен.

– Когда ты должна доложить о выполнении задания?

– В течение трех вечеров я должна приходить в условленное место и докладывать об обстановке.

– Хорошо, завтра доложишь, что операция откладывается в связи с тем, что я пригласил тебя на прогулку на яхте. Ты не можешь отравить меня там. Тогда на тебя сразу же падет подозрение.

– Но что мы будем делать?

– Выйдем в море. С собой возьмем только капитана и двух матросов. Это верные мне люди. В десяти милях от берега пересядем на катер...

– Им потребуется немного времени для того, чтобы обнаружить наш след.

– В нашем распоряжении будет не менее двух суток. За это время что-нибудь придумаем. У меня есть идея...

* * *

Таксист подвез их к небольшому дому на окраине Лос-Анджелеса. Грузный мужчина лет пятидесяти в форме полицейского встретил их с непроницаемым выражением лица.

– Случилось что-нибудь непредвиденное? – Я еще ничего не успел подготовить.

– Первоначальный план отменяется. – Я рассчитываю на тебя, Джек. Речь идет о жизни и смерти. Дело рискованное, но я дорого заплачу за поддержку. Хватит до конца жизни. Тебя все равно собирались отправить на пенсию после того, как ты провалил это дело с кокаином.

– Что нужно?

– Срочно два свежих трупа мужчины и женщины. Похожих на меня и Риту по конституции... И труп мальчика...

* * *

Изя сел в машину, когда под ноги бросился мальчик с пачкой свежих газет.

– Извини, малыш, мне некогда. – Он всучил газетчику доллар.

– Мистер, вам просили передать это.

Мальчик протянул небольшой конверт. Изя сунул его в карман...

На 73-ей улице пробка растянулась на километр. Она была вызвана столкновением роскошного «Роллс-ройса», принадлежавшего известному нефтяному магнату, на встречу с которым ехал Изя, и полицейской машины. Каждый водитель считал свои долгом притормозить у оцепления и взглянуть на редкую аварию.

Изя нервно поглядывал на часы. Встреча, которой он так долго добивался, грозила сорваться. И тут он вспомнил о письме. Оно было, по меньшей мере, странного содержания:

«Мише угрожает смертельная опасность. Не удивляйся ничему. Подтверди все, о чем тебя попросят. Я буду жив, но нам придется исчезнуть на неопределенное время. Будь крайне осторожен с новыми людьми в твоём окружении. Береги себя. Письмо уничтожь по прочтении. Верь мне. Так надо... Йосиф»

Изя набирал номер информационной службы, собирающей сведения о всякого рода ЧП, когда к машине подошел полицейский.

– Мистер Вайнштейн?

– Да, это я. А в чем дело?

Полицейский протянул Изе свежий номер «Нью-Йорк Таймс».

Внимательно пронаблюдав за выражением Изиного лица, спросил:

– Так вы ничего не знаете? Спортивный самолет с тремя пассажирами на борту столкнулся в воздухе с «пикапом» в районе Лос-Анджелеса. Пока обнаружены только останки мужчины и женщины. При нем были документы на имя Йосифа Черняка. Состояние здоровья мистера и миссис Черняк не позволяет им принять участие в опознании. Мы рассчитываем на вас.

Рука Изи непроизвольно потянулась к карману, в котором лежало письмо. Но он вовремя отдернул ее и несколько театральным жестом схватился за сердце.

– Вы знаете какие-нибудь особые приметы на теле пострадавшего? – спросил полицейский.

– Нет никаких особых примет. Хотя, постойте... Йосиф носил на правой руке золотой перстень. Не представляет никакой ценности. Просто памятный подарок от девушки...

– На каком пальце?

– Последнее время на мизинце. Перстень стал ему мал, но он не хотел с ним расставаться...

– Вы узнаете его?

– Разумеется...

– Тела пострадавших уже доставлены в Нью-Йорк.

* * *

Лица обоих трупов мужчины и женщины были забинтованы.

– Там ничего не осталось, – сказал хирург, производивший вскрытие. Цела только рука.

Он откинул простыню. Хирург не мог видеть, как разгладилось сжатое напряжением лицо Изи, не услышал он и вздох облегчения, вырвавшийся из его груди...

* * *

Трое пассажиров, проследовавших на борт самолета авиакомпании «Эйр-Канада» ничем не привлекали к себе внимания. Почтенный бизнесмен польского происхождения, его жена Маргарет и сын Михаил имели вид благополучной семьи, отправлявшейся в увеселительную поездку.

Молодая леди, лица которой почти не возможно было разглядеть под длинной обесцвеченной челкой, показывала сидевшему у нее на коленях сыну альбом с видами Канады.

– Я давно мечтал побывать в тех местах, – заметил Иосиф и потерся кончиком носа о Ритину щеку. – Река Маккензи – это такая глухомань. Там можно затеряться на год. И одновременно заняться пушной торговлей, судостроением...

* * *

С документами на имя мистера и миссис Валецки Иосиф и Рита вместе с Мишей нашли временное пристанище в поселении торговцев на реке Маккензи. Здесь все походило друг на друга, мало отличаясь по внешнему виду от кочевников средневековья. Здесь у всех было сомнительное прошлое.

На этой реке создавали свой первоначальный капитал многие будущие представители большого бизнеса. На этой реке действовали законы Севера. До нее не могли добраться щупальца агентов КГБ.

* * *

Эту историю Михаил рассказал Андрею ровно месяц тому назад и предложил ему написать книгу в соавторстве. У Андрея Дизеля отличная память на даты. Спросите его врасплох, что произошло, например, две недели тому назад, и он точно скажет, что в этот день его сосед Михаил Валецки неожиданно уехал неизвестно куда, оставив Андрею коротенькую записку:

«Андрей, не удивляйся, не застав меня дома. – Я уехал

и, по-видимому, надолго. Кажется, мне повезло: получил наследство. Если не вернусь, поступай с моими вещами, как хочешь.

Сердечно твой, Михаил»

Листок для записки вырван из какой-то записной книжки, как видно впопыхах, но такой записной книжки – с золотистым обрезом, у Михаила не было. И почему он не взял с собой чемоданы с вещами?

Глава 2. Охотник за сенсацией

В последние дни записка Михаила так и лезла сама в руки Андрея. Обычно у него в комнате был идеальный порядок. Все всегда лежало на своих местах. Но эта бумажка ежеминутно попадалась на глаза, как извещение о чем-то загадочном. И только сегодня он понял, что тут что-то есть. Ведь биография Михаила так необычна! Андрей поймал себя на мысли, что уже думает о Михаиле как об участнике какого-то секретного эксперимента. По совести говоря, ему очень хотелось, чтобы это было именно так. Тогда он, наконец-то, поймает свою удачу. Он уже видит себя в просторах гостиных, огромных залов, где кинозвезды внимательно слушают его, ослепляя блеском улыбок и сверканием драгоценностей. Он остроумен и оригинален – он знает, как себя вести в такой обстановке.

В тот день, когда Майкл рассказал ему историю своей жизни, Андрей подумал, что приятель многое выдумал и просто хочет подтолкнуть его к написанию сценария. На успешном сценарии можно было бы неплохо заработать, но Андрея остановило то, что у него могли бы возникнуть неприятности с КГБ.

Сегодня Андрей Дизель проснулся поздно: вчера он долго сидел в редакции за обработкой корреспонденции. Вчера ему не везло: город как будто решил отдохнуть от новостей

и не произвел ничего яркого.

Открыв глаза, Андрей Дизель потянулся за пультом: по первым звукам с экрана он мог предугадывать, какой будет день и какие плоды он сможет сорвать. Ничего достойного внимания: военный институт космических исследований произвел запуск ракеты... Хотя, постой, сообщается, что ракета «Феномен» оснащена новейшим суперустройством для проведения важного биологического эксперимента в космосе, который, возможно, перевернет наши представления о возможностях человека. Какого эксперимента? И при чем тут возможности человека? Ведь на борту нет космонавта! Он как сердцем чувствовал, что пахнет паленым.

Диктор продолжал еще что-то говорить, но Андрею было уже не до него. Андрею некогда его слушать, хотя и интересно. Надо мчаться в редакцию, а оттуда к светилам научного мира. Надо хотя бы собрать высказывания... Как жаль, что Михаил исчез так некстати! Он всегда был в курсе космических новостей. Стой, Андрей, надо все обдумать. Надо вспомнить, что он говорил тогда, месяц тому назад, в ресторане? Что он готов принять участие в опасном эксперименте... Михаил, мечтавший о полетах, исчез, никого не предупредив, бросив работу, вещи, даже белье! Исчез, не оставив следа! Предположим, что намерение Михаила выросло до определенного решения. Люди, которые не откажутся от его предложения, конечно, найдутся, особенно в военном ведомстве, как раз и запустившем сегодня ракету. А где же за-

писка?

Возбуждение Андрея нарастало. Догадка блеснула молнией. Где же эта чертова записка? Ах, да, вот же она. Но в ней нет ничего особенного. Как бы не так! Андрея Дизеля не проведешь! Бумажка для записки вырвана из записной книжки с золотым обрезом, видимо, второпях. Листок с золотой каймой... У Михаила не было такой книжки. Ясно, что он писал на чужой бумаге. Кто-то зашел за ним, и они вместе уехали. Если бы он заранее готовился к отъезду, то взял бы чемодан, чистые рубашки. Но он не взял ничего... Постой, через несколько дней после того, как Михаил исчез, ему пришло письмо.

Андрей поймал себя на мысли, что он уже думает о Михаиле как об участнике этого эксперимента, хотя о наличии космонавта на борту ничего сказано не было. Но Андрею очень хотелось, чтобы там был Михаил. Тогда в его руках будет сенсационный материал. Правда, это еще надо доказать или хотя бы чуточку подтвердить.

От кого пришло Михаилу письмо, уже не заставшее его дома? Вот это письмо. Оно лежит в ящике стола, куда его и сунул второпях Андрей. Он тогда не обратил внимания, что это за письмо – мало ли кто может писать Михаилу. Михаил прочтет его, когда вернется.

Андрей взял в руки широкий конверт. Обратный адрес как символическая надпись сразу бросился в глаза:

«Профессор А. Шварцберг, обсерватория Маунт-Тауэр,

главный корпус, 85-Z. Отдел межпланетных проблем...»

У Андрея перехватило дыхание. Этот конверт – ключ к успеху. Что бы ни было написано в письме – это точка отсчета журналистского расследования о тайных экспериментах с участием людей, которые проводит Пентагон.

Письмо нужно прочесть. Ведь все равно Михаил не узнает о том, что Андрей распечатал конверт и подсмотрел тайну его переписки. Что Михаил имеет какую-то связь с астрономическими организациями – факт: вот письмо к нему известного профессора Шварцберга. Если Михаил написал именно такое заявление, о котором он говорил тогда Андрею, то каким образом была исполнена его просьба? Конечно только так, как это произошло, то есть ему посоветовали создать у окружающих впечатление, что он уехал по каким-то своим делам. Но в таком случае, зачем же это письмо, пришедшее уже после его исчезновения? Тот, кто писал, по-видимому, не знал, что Михаил уже исчез.

Но Андрей не вскрывает конверт. Он медлит. Он хочет спокойно все взвесить, он боится разочарования. Еще бы, в лихорадке можно, пожалуй, желаемое принять за действительное. Почему письмо пришло уже после исчезновения Михаила? Тот, кто писал, по-видимому, не знал об этом. Истинный ученый не пошлет человека на смерть, даже если испытуемый выражает добровольное согласие рисковать своей жизнью...

Андрей Дизель разорвал конверт. Письмо было напеча-

но крупным шрифтом на белой офисной бумаге.

«Дорогой Михаил, извините, что несколько задержался с ответом. Обдумывал Ваше предложение. Боюсь, что лично я мало чем могу быть Вам полезен. Но есть люди, которые безусловно заинтересуются Вашей идеей. Поэтому хотел бы побеседовать с Вами лично. Приезжайте, и Вы будете приняты немедленно, как только назовете свое имя.

Но позвольте предупредить Вас: не обращайтесь с этим предложением в другие организации!

Искренне Ваш Альберт Шварцберг»

Симпатичное лицо Андрея скривилось в горькой усмешке. Он чувствовал себя мелким репортеришкой желтой прессы, который в погоне за сенсацией дал волю своему воображению. А он так надеялся, что счастливый случай, как бурный водоворот, засосет его в гущу событий. Где-то там в недостижимой высоте летит эта чертова ракета. Может, на ней и нет никаких подопытных кроликов. А приборы, пусть и новейшие, не станут сенсацией для читателей его газеты.

Андрей вышел на улицу. Ясный солнечный день угловатыми изломами пробивался между тупыми скалами небоскребов. Андрей поднял голову и зажмурился – голубая извилистая молния неба ослепила глаза. Где-то там, в звездной бесконечности летит ракета, а ему придется плыть в этих мутных водах реки-улицы, ожидая, пока какой-нибудь бурный

водоворот не поднимет его на вершину событий.

* * *

Главный редактор газеты «Калейдоскоп» Юджин Кислов, или как его называли за глаза сотрудники газеты – дядя Кис, сидел за столом, специально сделанном по его рисунку. Стол напоминал огромную подкову счастья. Дядя Кис восседал в центре этого стола и беспрестанно поворачивался на своем стуле в разные стороны, хватая, перебрасывая, перечеркивая и снова перетасовывая бесчисленные листы бумаги. В углах комнаты стояли всевозможные скульптуры и статуэтки различных стилей – от античного до самого современного. В зависимости от мнения редактора о том или ином посетителе, из этого набора на стол спешно ставились соответствующие предметы, призванные создавать настроение. Посетители говорили, что кабинет Юджина Кислова действительно напоминает калейдоскоп.

Дядя Кис встретил Андрея сердитым восклицанием:

– Где ты шляешься по ночам, что вечно опаздываешь?

– Работал дома до двух часов ночи, потом спал. Странно, что вы думаете, что я таскаюсь по барам.

– Ну, и дурак! Имеешь такую внешность и сидишь дома!

Эй, да ты и в самом деле пьян – где твой галстук?

Андрей растерянно потрогал руками расстегнутый воротник. Этого с ним никогда не было – он всегда старался ис-

пользовать свои внешние данные на все сто. В одежде, причёске и обуви не упускал никаких мелочей...

– Ты, приятель, все проспал. Осталась одна бульварная труха.

– Есть одна задумка. Что вы скажете о профессоре Шварцберге?

Дядя Кис удивленно поднял свои пушистые брови.

– Астроном с мировой известностью, почти круглосуточно находится в обсерватории.

– Уж он-то должен быть в курсе событий. – Я имею в виду эту ракету.

– Какого черта она тебе сдалась? Этот профессор, конечно, личность интересная. Но он всех репортеров в шею гонит. Не мы одни пытались к нему подъехать.

– Я поеду к профессору Шварцбергу и поговорю с ним. Нутром чувствую, что с этой ракетой что-то связано. Вам нужно иметь интервью, и я его получу. Ну, я пошел...

Дядя Кис с довольным видом потер ладони и весело посмотрел ему вслед...

* * *

Андрей подошел к зеркалу и внимательно оглядел себя. Его придирчивый взгляд не нашел никаких дефектов. Все было на месте, симметрично и элегантно. Андрей почувствовал новый прилив сил.

– В доме профессора Шварцберга живет девушка: его дочь или внучка. Точно не знает никто. Надо попытаться действовать через нее...

Он, Андрей, всегда безошибочно угадывал перспективы своих успехов у женщин – если умело использовать первое положительное впечатление, то можно добиться всего. Важно иметь первую зацепку, маленький крючок, а уж если он зацепится, добыча будет в руках. Обычно Андрей терял интерес к своему объекту, если зацепиться не удавалось с первой же попытки. Каждая его победа над самыми известными женщинами была восхитительна своей замечательной простотой.

* * *

– Однако... у старого профессора очень привлекательная дочь. Глаза выразительные, фигурка... в общем, хороша, – подумал Андрей.

Девушка, которую звали Тэсс, оказалась разговорчивой. Андрей улыбнулся ей самой ослепительной из своих улыбок.

– Вы, вероятно, считаете меня представителем прессы. Если так, то вы ошибаетесь. – Я не имею к журналистам и газетчикам никакого отношения. – Я просто... человек, любитель этой самой астрономии и хотел бы поговорить с профессором по очень важному делу. Не надеялся добиться приема через секретаря и потому очень прошу, если вас это не

затруднит, позвонить профессору.

Девушка явно колебалась.

– Я, право, не знаю, что делать. Отец бывает очень не доволен... Профессор почти постоянно находится в обсерватории. Сегодня его спрашивают очень многие представители прессы, но, как вам известно, он не принимает никого. Если он занят интересной работой, то вообще ни с кем не разговаривает. Даже домой не приезжает...

– Мне необходимо поговорить с профессором Шварцбергом по очень важному делу. Вы можете не беспокоиться, профессор не будет на вас в обиде, если вы сообщите ему обо мне. Вам достаточно назвать мое имя. Извините, что не представился сразу. Меня зовут Михаил Валецки.

– Михаил Валецки? Имя действительно знакомое. Отец что-то рассказывал о вас. Пожалуй, я позвоню ему...

Тэсс вышла. Оставшись один, Андрей прошелся по комнате, удовлетворенно потирая руки. Есть все основания быть довольным собой. Андрей почувствовал новый прилив сил, и ему захотелось еще поговорить с этой милой девушкой. Но... хватит, дело есть дело. А к этой девушке он еще когда-нибудь вернется.

Тэсс вышла к нему сильно взволнованная.

– Мистер Валецки, отец ждет вас, – девушка почему-то перевела дыхание. – Он хочет видеть вас скорее.

– Благодарю вас, мисс Шварцберг, – Андрей чуть было не бросился бежать, но девушка, как видно, хотела еще что-то

сказать, и он остановился.

– Вместе с отцом я приглашаю вас бывать в нашем доме. Вы можете приходить к нам запросто, без приглашения.

Андрей счел нужным улыбнуться и скромно опустить глаза.

* * *

Обсерватория Маунт-Тауэр, 1985.

В вестибюле административного здания обсерватории, возле гардероба сидели несколько известных Андрею репортеров других газет. У них был вид растерянных новичков – у лестницы наверх стоял высокомерный швейцар, и было ясно, что пробиться через его гранитное равнодушие ко всему окружающему абсолютно невозможно. Разве что удастся перехватить Шварцберга, когда, по окончании своих дел, он пойдет куда-нибудь.

Репортеры иронически усмехнулись, когда Андрей направился к швейцару.

– Прошу доложить профессору Шварцбергу, что к нему хочет пройти Михаил Валецки. Профессор меня ждет.

– Мистер Валецки?! – Швейцар вдруг сделался ниже ростом и чрезвычайно приветлив. – Профессор просил пригласить вас к нему, как только вы появитесь. Проходите, пожалуйста. Он ждет вас в своем кабинете за библиотекой. Как подниметесь по лестнице – прямо по коридору последняя

дверь.

Андрей оглянулся на своих коллег. Вскочив с мест, они остановились в ошарашенности. Удивление их было прямо-таки забавно. Андрей задорно подмигнул им и медленно, с достоинством поднялся наверх.

Профессор Шварцберг встретил Андрея радостным восклицанием:

– Михаил! Тэсс только что звонила о вас. Так вот вы какой! Вы отлично выглядите. Не смущайтесь. Проходите сюда, к окну. Отсюда замечательный вид. Садитесь вот в это кресло.

Андрей быстро окинул взглядом кабинет – ничего особенного. Много книг, на столе – бумаги, письма. Сбоку от стола окно с видом действительно восхитительным: башня с огромным куполом, за ней провал горы и внизу, между деревьями, густая синева океана. На этом фоне седой профессор выглядел картинно, и Андрей невольно потянулся в карман за фотоаппаратом, но вовремя спохватился. Смущенно опустился в кресло.

– Как себя вести? Задавать злободневные вопросы не следует – профессор поймет, что я самозванец. Но говорить что надо.

– Я так взволнован последними событиями, – начал Андрей.

Мысли обрываются, не хватает слов. Надо бы блеснуть хотя бы школьными знаниями астрономии, но подготовиться

он не успел...

Однако профессор, кажется, не замечал его замешательства.

– Да, я изучаю Вселенную десятки лет и не перестаю удивляться. Она непостижима в своей бесконечности. Вы поднимаетесь по этой бесконечной лестнице, вы можете бежать по ней, но все равно почти не продвигаетесь вперед. Однако, как и во всем, есть критическая ступень. Перешагнув ее, человек прорвется в эту самую бесконечность. Все дело только в том, что он не научился еще использовать дарованный ему инструмент – свой мозг.

– Это очень интересно, профессор, но... я хотел бы поговорить с вами о другом. Я не очень-то разбираюсь в вопросах теории. По профессии я летчик и больше интересуюсь полетами, как вы уже знаете. Я имею в виду ракету «Феномен», запущенную нашими военными.

– Да, я консультировал их через своего ученика. Но это загадочное новейшее устройство, о котором трубят газетчики, для меня сюрприз. Что за робот? Я теряюсь в догадках. Однако вы примете участие в эксперименте. Я добьюсь этого. Но полетите вы не так, как вы просите: не на верную смерть, не подопытным животным, а человеком с именем и вполне заслуженной славой.

– Вот оно как, – подумал Андрей, – значит, до последнего момента профессор ничего не знал об этой штуке, хотя был осведомлен обо все остальном. С какой целью надо было это

скрывать? Неужели все-таки Михаил в ракете, и речь идет об опасном биологическом эксперименте? Тогда понятно, почему военные скрыли это от профессора.

Андрей снова ухватился за эту мысль, сулящую долгожданную сенсацию. В таком случае он должен пойти на все, чтобы докопаться до истины. Теперь Андрей Дизель знает, как вести себя с профессором. Смущения и робости как не бывало. Он поднялся с кресла и резко, отчеканивая каждое слово, произнес:

– Господин профессор, я не Михаил!

– А кто же вы? – неподдельно удивился профессор.

– Кто я такой, сейчас не имеет значения. Сейчас важно то, что Михаила нет на планете Земля!

– Вы говорите какую-то чепуху, молодой человек.

– Профессор Шварцберг! Вы меня отлично понимаете! – голос Андрея возбужденно звенел. – Михаил – жив и в эту минуту находится на ракете «Феномен».

– Что? Что вы говорите? – прошептал профессор, испуганно глядя на Андрея.

– Я знаю все! Я знаю о том, что вы получили письмо от Михаила, предлагающего себя в жертву в качестве подопытного кролика. Где это письмо? Кому вы его передали? Вы меня слышите?

Но профессор его не слышал. Худенький старичок сжался в комочек в большом кожаном кресле, обхватив голову бледными старческими руками.

– Неужели он это сделал?! Он убил Михаила!

– Кто он?

Профессор открыл ящик стола и достал письмо.

– Это копия письма Михаила. К счастью, я догадался сделать ее.

Андрей быстро пробежал глазами написанное знакомым почерком письмо:

«Дорогой Альберт,

– Я согласен на любые условия. – Я готов принять участие в любом, самом опасном эксперименте в Космосе, даже если не будет никаких гарантий возвращения обратно.

Даже именем своим жертвую. Согласен на то, чтобы мой полет остался неизвестным, если это будет необходимо. Объяснить свое исчезновение перед знакомыми, которых, кстати, очень мало, не составит труда.

Уверяю Вас, что я пройду самую придирчивую медицинскую комиссию без замечаний – я оставил службу в авиации по причинам, не относящимся к состоянию моего здоровья.

Готов улететь с Земли в любую минуту. Готов вообще исчезнуть с лица Земли на время или навсегда.

Сердечно ваш, Михаил Валецки»

– Так кому вы передали письмо Михаила? – спросил Андрей.

– Полковнику Роберту Асинуге, – немного поколебав-

шись, ответил профессор Шварцберг.

– Вы можете ввести меня в курс дела?

– В данной ситуации я просто обязан сделать это. Я знал Роберта Асинугу с того времени, когда Бобби еще учился в университете. Он был сыном состоятельного отца, который хотел видеть его дипломатом или военным. Но еще в детстве мать внушила Бобу мысль о том, что он человек особенный, необычайно одаренный и призван удивить мир каким-нибудь великим открытием. Влияние матери было сильнее, и Бобби решил стать ученым. Известность ученого была лишь частью того, к чему стремился Роберт Асинуго. Бобби всегда был сдержан, ни с кем не ссорился и умел нравиться даже тем, кого сам ненавидел и в ком, однако, нуждался или чувствовал возможную полезность в будущем. Он всегда был приветлив, умел ладить с людьми. Бывало даже и так, что он убирал соперников со своей дороги, но всегда с помощью кого-нибудь другого. И чем далее, тем больше он убеждался в том, что в конце концов расстанется с астрономией и будет работать в государственном аппарате.

Вскоре Бобби понял, что я являюсь наиболее подходящим для него научным руководителем. В силу своего характера я не мог, как другие, держать лишь под своей шляпой многочисленные идеи, которые то и дело рождались в моей голове. Эта особенность моего характера могла пригодиться Роберту Асинуге. Он был способен подхватить чужую оригинальную мысль и придать ей нужную форму.

Бобби знал, что я не считал его достаточно одаренным для самостоятельной работы. И все же он сумел добиться моего расположения, и по окончании университета я взял его в свою обсерваторию. Он подхватывал мои идеи, опубликовал несколько трудов. Но потом наши пути разошлись. Роберт Асинуго стал военным. Я все еще был нужен ему, когда он сталкивался с трудностями в своей работе. От меня он получал простые решения казалось бы неразрешимых задач.

Последний раз мы виделись недели две назад. Я сам пригласил его, так как у меня была для него новость. Я имею в виду письмо Михаила. Тогда я не подумал о том, как опасно дать это письмо в руки Бобби. Он был поражен и сказал, что науке нужны такие сумасшедшие чудачки. После этого разговор у нас не вязался. Роберт вдруг сказал, что заехал на несколько минут и очень торопится. Я видел в окно, как он сел в машину. Бобби весело насвистывал и был доволен чем-то. Теперь я понимаю: он был доволен тем, что я снова дал ему идею. Я дал ему страшную идею, сам того не желая. Ради своих военных целей они способны на все.

– Но у нас нет доказательств того, что жизнь Михаила подвергается смертельной опасности, что над ним проводят некие запредельные опыты.

– Я хорошо знаю полковника Роберта Асинуго. И моего знания достаточно, чтобы я приветствовал любое печатное слово о ваших догадках...

Профессор Шварцберг внезапно умолк.

– Что с вами? Вам плохо?

– Вы так и не представились. Кто вы? Может быть, вы из того же ведомства...

– Обо мне не беспокойтесь. Я репортер газеты «Калейдоскоп». Мое имя Андрей Дизель. Можете проверить: я живу в той же квартире, где жил Михаил Валецки. Недавно Михаил исчез, оставив странную записку, что он уезжает к каким-то родственникам. Разрешите мне взять письмо.

– Письмо Михаила? Нет, я его не отдам. Это единственная памятная вещь об этом удивительном человеке. Вы репортер, вы этого не поймете, вы используете это письмо для сенсации... Но я понимаю, что вам нужно... Вы можете сфотографировать письмо.

Андрей несколько раз сфотографировал каждую страничку и конверт. Он торопился. Побежал было к двери, но Шварцберг окликнул его:

– Подождите! Хотя бы несколько минут. Вы говорите, что жили с Михаилом. Расскажите мне о нем. – Я прошу вас.

Андрей остановился, подошел к окну и задумался. Он, пожалуй, может сделать одолжение профессору и кое-что рассказать о Михаиле. Хотя, что о нем сказать? Андрей старается припомнить, что-то отметить в его характере и поведении, но не может. Печально, но факт: он, как следует, не видел его.

– Прошу извинить, профессор, но я так поспешно не могу... Михаил был...

– Был?! Не говорите о нем так!

– Простите.

* * *

Андрей стремительно бежит вниз по лестнице. Репортеры по-прежнему толпятся в фойе. На этот раз они ждут Андрея. Подхватив его под руки и страшно стиснув в дверях, все четверо вывалились на улицу.

* * *

Редактор газеты «Калейдоскоп» Юджин Кислов повернулся на своем стуле к вошедшему в кабинет Андрею, за которым толпились газетчики. По выражению лица Андрея сразу понял, что тот одержал победу. Однако, покосившись на застывших в напряженном ожидании репортеров, Андрей произнес:

– Господин редактор, я не принес ничего интересного.

– Что-о? Ты не был у профессора Шварцберга?

– Был.

– И не взял у него никакого интервью? Или уже продал материал другой газете?

Андрей снова покосился на репортеров.

– А-а, понимаю. А ну-ка, господа, проваливайте отсюда.

– Господин редактор, я все-таки ничего не имею. Пока ничего. Только хотел бы спросить у вас, знаете ли вы полковника Роберта Асинугу?

– Как не знать! Он участвовал в запуске ракеты и сейчас дает интервью в малом зале университета.

– Мне сейчас же надо туда!

– Так выкладывай, что ты привез от Шварцберга?

– Пока еще рано выкладывать. Мне не хватает маленького штришка для сенсации.

Дядя Кис почувствовал, что Андрей говорит правду.

Репортеры, ждавшие окончания беседы за дверью кабинета, побежали впереди Андрея к своим машинам. Они чуяли запах добычи.

* * *

Пресс-конференция уже подходила к концу. Роберт Асинуго стоял у стола в элегантной военной форме, которая очень шла ему. Стройный блондин с приветливым лицом, но холодным и несколько дерзким взглядом.

Сзади стола на стене висела карта с изображением дисков Луны, Земли и траектории ракеты на синем фоне звездного неба.

– Да, конечно, если испытания приборов пройдут успешно, на следующей ракете полетят ученые, участвующие в программе биофизических исследований. Однако мы про-

информируем общественность только после тщательного анализа полученных результатов. Речь идет о крупном открытии в области медицины, о прорыве человеческого разума сквозь бесконечность непознанного. Все, больше добавить ничего не могу.

Андрей протиснулся вперед. Он увидел на столе то, что искал: записную книжку с золотым обрезом. Она была открыта, по-видимому, для того, чтобы, в случае необходимости, заглянуть в записи. Страницы с розовым ободком. Андрей сфотографировал Асинугу и записную книжку. Но кто поверит, что именно из этой книжки был вырван листок, на котором Михаил написал прощальную записку.

Андрей задал вопрос:

– Читатели газеты «Калейдоскоп» хотели бы знать... по какому принципу работает двигатель ракеты, какова температура в камере сгорания...

В зале недоуменно зашумели: «Ну и чудак, этот парень! С какой стати читателей его газеты могут заинтересовать технические подробности?»

Полковник Асинугу снисходительно улыбнулся, но все же счел нужным дать обстоятельный ответ. Однако ни разу не заглянул в книжку, на что надеялся Андрей.

Пресс-конференция закончилась. Журналисты шумной толпой бросились к выходу, и вскоре зал опустел. Андрей Дизель остался. Он, кажется, что-то придумал.

– Простите, что я задерживаю вас, но я не успел задать

все вопросы, которые интересуют наших читателей. Нам хотелось бы знать, по каким соображениям выбрана указанная траектория ракеты.

Асинугу машинально взял в руку записную книжку, положил ее на стопку справочников, лежащих тут же на столе, и повернулся к карте.

– Я с удовольствием отвечу на ваш вопрос, у меня еще есть время.

Андрей Дизель окинул взглядом зал. Кроме него, полковника Роберта Асинуги и трех репортеров никого не было. Репортеры смотрели на карту и слушали разъяснения Бобби.

Андрей Дизель протянул руку к стопке книг, вытащил записную книжку и спокойно положил ее в карман...

В автомобиле, по дороге в редакцию, Андрей быстро пролистал книжку и тут же нашел остаток вырванного листка со знакомой линией обрыва. Теперь, если будет нужно, микроанализ точно докажет, что листок с запиской Михаила вырван из записной книжки Роберта Асинуги.

* * *

На следующий день Андрей просмотрел верстку завтрашнего номера газеты со своей статьей «Что скрывают военные?». Текст обоих писем Михаила приведен полностью. Но имя Роберта Асинуги не упоминалось. Говорилось только о том, что газета «Калейдоскоп» располагает вещественными

доказательствами того, что на борту ракеты находится псих, которого военные решили принести в жертву науке как подопытную крысу.

– Да-а, завтра можно ожидать бурной реакции со стороны правозащитников, – подумал Андрей. – Посылка в Космос человека как неодушевленного предмета, тайно, без всякой уверенности в его безопасности, пусть даже с его согласия, – есть преступление. Создадут комиссию по изучению обстоятельств полета. Меня покажут по всем центральным каналам телевиденья. Так будет тянуться, пока ракета не отправится в обратный путь на Землю. А там жди сенсаций. И я первый, кто привлек внимание к проблеме. Это начало карьеры.

Энергичный стук в дверь вывел Андрея из состояния задумчивости.

В кабинет вошел Игорь, его постоянный конкурент на ниве сенсаций.

– Есть деловое предложение, старина.

– Какое еще может быть у нас дело? Не представляю...

– Увидишь собственными глазами.

Игорь положил на стол увесистую пачку долларов.

– Что это?

– Это аванс за книгу о Михаиле. Не волнуйся, книгу напишу сам за твоей авторской подписью. С одним условием: мне двадцать процентов гонорара.

Андрей даже привстал. Такого выгодного предложения он от Игоря не ожидал. Конечно, Игорь от этого предприятия

тоже выигрывает, но все-таки это неожиданно и смело.

– Видишь ли, старик, я недостаточно много знаю о жизни Михаила. Знаю только, что еще ребенком Михаил со своими родителями эмигрировал из России в Канаду.

– Это уж предоставь мне. Книга будет написана за предельно короткий срок.

– Понимаю: она должна быть распространена до его возвращения.

– Ты только дай мне право интересоваться подробностями из жизни Михаила и твоей. Потом подкорректируешь, как тебе захочется.

– Ты начинаешь мне нравиться. – Я согласен. Дам тебе не двадцать процентов, а тридцать.

– Благодарю, Андрей. Чек на сумму в зависимости от тиража ты подпишешь по вручении тебе рукописи. – Я уже говорил с издательством.

Оставшись один, Андрей прошелся по комнате, довольно потирая руки. Вот это да! Деньги сами текут в руки! А что особенного? Когда-нибудь и ему должно повезти. Он не дурак, чтобы отказаться от такого заманчивого предложения!

Андрей Дизель закончил свой деловой день полным успехом. Совершил еще несколько чрезвычайно выгодных сделок, суливших немалые деньги в ближайшем будущем. Только сейчас Андрей почувствовал, как он голоден. Ведь за весь сегодняшний день он ничего не ел. Он остановил такси и велел шоферу везти его куда-нибудь, где можно было поужи-

нать и отдохнуть – можно к заливу, лучше всего в шикарный ресторан на крыше небоскреба, что вскинулся в синеву неба у самой набережной. Теперь у Андрея достаточно денег, чтобы приятно провести сегодняшний вечер.

Сидя рядом с шофером, Андрей улыбался, глядя на пробегающие мимо огни реклам, фонарей, витрин. Михаил, конечно, чудак и герой. Но куда приятней ехать в автомобиле, чем лететь в пугающей пустоте неизвестности.

Андрей Дизель покосился на шофера.

– Вы случайно не знаете Михаила Валецкого?

– А кто он?

Тоже шофер.

– Нас много, всех знать невозможно.

– Завтра вы услышите это имя.

– Так кто же он, этот Михаил Валецкий?

– Чудак, фантазер, мечтатель, дошедший в своих безудержных помыслах до умопомешательства. Но вообще-то герой.

* * *

Андрей прошел мимо столика с посетителями, обогнул танцующую пару и вышел к барьеру плоской крыши. Перед ним с одной стороны простирался океан с уходящей в сумеречную даль рябью волн, с другой стороны сверкал огнями город. Город, который сейчас не знает его, а завтра будет го-

ворить о нем как о смелом журналисте, рискнувшем изобличить могущественную организацию.

На востоке из океана поднималась красная Луна. Вот они, действующие лица драмы: Земля, Луна, ракета с Михаилом и он, Андрей Дизель. А все остальное – фон, на котором происходит действие.

Андрей отошел от барьера, занял столик и заказал двойной коньяк.

Но не все было спокойно в безоблачном небе Андрея Дизеля. Как чуткий барометр, он предусматривал, что погода может испортиться: где-то за горизонтом растет грозовая туча. И эта туча – Роберт Асинуго. Если он что-нибудь пронюхал, распорядиться в отношении Андрея может в любую минуту. Только бы дождаться завтрашнего утра, когда выйдет номер с его статьей! А, может быть, лучше пойти навстречу опасности и предупредить ее, чем ждать, когда она нанесет удар в спину...

Андрей медленным шагом двинулся к набережной – там было меньше народу и можно было бы обнаружить слежку. И все-таки он не заметил, чтобы кто-то следовал за ним. Андрей шел по набережной вдоль берега залива к мосту. Прохожих становилось все меньше и меньше. Увидев выехавший с моста на набережную автобус, он побежал к остановке. И тут он обнаружил того, кого искал: высокий мужчина обогнал его и приготовился прыгнуть в подошедший автобус.

Тогда Андрей спокойно прошел мимо остановки, пересек

улицу и подошел к остановке автобусов, следующих в противоположном направлении. Незнакомец также перешел улицу и встал позади Андрея.

– В единственном числе, – отметил про себя Андрей. – Иначе улицу сейчас переходил бы другой. Значит, решили пока только последить. Для расправы было бы двое или трое.

Андрей вошел в автобус и сел. Незнакомец прошел вперед и тоже сел. Место рядом с ним было свободно. Андрей тоже прошел вперед и сел рядом с незнакомцем. Тот безразлично отвернулся в сторону. На улице было уже темно. Стекла автобуса отражали всех сидящих, покачивающихся пассажиров. Автобус мчался через мост над заливом.

Андрей всмотрелся в отражение своего соседа. Лицо видавшего виды человека. По желвакам чувствуется напряжение – не ожидал, что Андрей сядет рядом с ним. Незнакомец повернул голову, и их взгляды встретились в оконном стекле. Андрей улыбнулся и подмигнул ему.

– Послушай, приятель, у меня есть важное сообщение для полковника Роберта Асинуги, – в полголоса произнес Андрей.

– Что вам нужно? – громко спросил сосед. – Я не знаю вас.

– Не шуми, болван. – Я могу тебе ничего не говорить, но если Асинуго узнает, что ты не захотел выслушать сообщение для него, тебе не поздоровится. Ну как, передашь ему то, что я скажу?

– Говорите.

– Скажи ему, что он должен беречь мою жизнь. Если со мной что-нибудь случится, и я исчезну, то сразу будут опубликованы вещественные доказательства его участия в деле Михаила Валецкого. Эти доказательства находятся у верных людей, которых вы не знаете. Передайте, что будет опубликована записная книжка полковника, из которой он вырвал листок для записки Михаилу. Передай ему, что он может не беспокоиться – я не собираюсь это опубликовывать, и имени полковника Роберта Асинуги нигде упоминать не буду. – Я сейчас выйду, а вы поезжайте дальше. Если вас интересует, что я буду делать, то уверяю вас, что пойду домой.

Андрей вышел в вечернюю темноту.

Еще одна победа! Теперь Андрей может быть спокоен – его никто не тронет. Над ним по-прежнему безоблачное небо, усеянное бесчисленными звездами. Может быть, навестить Тэсс? Дом профессора Шварцберга, как помнит Андрей, где-то недалеко. И Тэсс, наверное, дома.

Андрей быстрыми шагами пошел вдоль палисадников. Вот и знакомый дом. Окна освещены, но не все. Отец наверняка работает. А что делает она? В окнах никакого мелькания. Значит, гостей нет. А что если позвонить? Она откроет. Он войдет. Она удивится. И тут... тут он придумает что-нибудь. Сколько раз у него было так, что в нужную минуту он находил правильное решение. Когда бы раньше он ни шел к женщине, он не составлял никакого плана, а получалось всегда успешно. Значит, позвонить?

Дверь открыла служанка. Спросила, как доложить о нем Тэсс.

Как доложить? Вот этого Андрей не знает. Сказать, что ее хочет видеть Андрей Дизель? Нет. Так нельзя. Он ведь знакомился с ней как Михаил.

Андрей растерялся. Служанка терпеливо ждала.

– Мэри, кто-то пришел к нам? – раздался сверху голос Тэсс.

Она идет вниз! Сейчас она увидит его! Андрей остолбенел и вдруг бросился к двери и выбежал на улицу. Сзади раздался крик: «Куда же вы?»

Андрей остановился за углом перевести дух. Какая обида! Какой он дурак! Она сама шла к нему, а он струсил. Нет, не струсил, просто сейчас не время выяснять отношения.

В ту ночь Андрею не спалось, но и работать он не мог. Было тревожно. Надо бы послушать новости. Что это? Даже ночью говорят о ракете «Феномен», как если бы это был первый запуск ракеты в космос. Слова диктора звучали как приговор: «Ракета потеряла управление. Вероятно, произошло столкновение с метеоритом. Он пробил обшивку и что-то повредил в устройстве управления».

Андрей представил себе ракету, плывущую в темной холодной пустоте. В этом металлическом гробу находится заживо погребенный, сам себя приговоривший к мучительной смерти от холода и удушья Михаил.

Андрею Дизелю стало дурно. Закружилась голова. Он сел

в мягкое кресло, зябко поежился. Неужели все кончено?

От неожиданного телефонного звонка он даже подпрыгнул.

– С вами говорит полковник Роберт Асинуго. Мы, кажется, уже знакомы. Познакомились на пресс-конференции... Была приятная встреча... Дорогой мистер Дизель, мне нужно срочно поговорить с вами. Я хотел бы приехать к вам сейчас же... В таком случае я еду... Через полчаса буду у вас...

Андрей в недоумении положил трубку. Вот как! Роберт Асинуго сам едет к нему на переговоры! Выходит, что он зря погорячился. Может быть, и пугаться-то нечего. Надо обдумать все спокойно.

Андрей Дизель сел в кресло и закурил. Он понемногу приходил в себя от панического испуга. Что и говорить, перепугался он здорово. А почему? Ведь если рассудить здраво, то бояться надо не ему, а Асинуге. Это он несет ответственность за гибель человека в ракете. Это не его провал, а провал Военного ведомства! А военные, особенно Асинуго, действительно попали в сложное положение. Они должны что-то сказать публике. Ясно, что им желательно было бы заявить, что Михаила они не знают и никаких соглашений с ним никогда не имели. Однако у Андрея и профессора Шварцберга есть вещественные доказательства. С каким удовольствием они разделались бы с ними, да нельзя. Таким, как профессор Альберт Шварцберг, не заткнешь рот. Он будут говорить прямо и беспощадно.

Значит, Роберт Асинуго едет к Андрею покупать вещественные доказательства: записную книжку с золотистым обрезом, письма Михаила. Посмотрим, какую цену даст за них полковник.

* * *

Андрей Дизель встретил Роберта Асинугу как старого друга. Услышав гудок подъезжающего автомобиля, он, в знак особого расположения к гостю, даже вышел к воротам и с обворожительной улыбкой ожидал, когда Роберт пройдет по дорожке между клумбами. Андрей не знал, о чем они сегодня договорятся, но был уверен, что они договорятся обязательно. Иначе и быть не могло.

Роберт вышел из машины приветливый, но озабоченный. На лице была улыбка, но серые глаза выражали непреклонную решимость. И вообще он напоминал Андрею сжатую пружину, поблескивающую холодной сталью.

Роберт Асинуго был теперь уже в генеральском мундире. Андрей подумал, что генеральское звание Бобби получил за смелый эксперимент с Михаилом. Верховное командование, с таким восторгом принявшее предложение Асинуги, спохватилось сразу же после того, как произошла утечка информации, и Роберт был вынужден все же дать кое-какие сведения об эксперименте. Пока ракета благополучно летела по своей орбите, можно было еще надеяться, что все закончит-

ся грандиозным успехом. Но в создавшемся положении надо было искать выход: договориться с Андреем Дизелем.

Андрей провел генерала Асинугу в кабинет.

– Очень рад, что вы, наконец, нашли возможность приехать ко мне. Я давно ждал вашего визита...

– Простите, мистер Дизель. В другой раз я бы с удовольствием поговорил с вами о многих интересных вещах. Но сейчас мне не до этого. Вы понимаете, в каком затруднительном положении мы оказались. Давайте сразу перейдем к делу.

– Я согласен, господин генерал. Уверяю вас, что я сделаю для вас все, что будет в моих силах. Я не хочу делать неприятности ни Военному ведомству, ни лично вам, но прошу также понять и меня. Отдать вам записную книжку и письма я не могу. Это для меня смерть. Получив книжку, вы сразу опубликуете, что журналист Андрей Дизель обманул общественность ради сенсации. Никакая сумма за эту книжку не спасет меня.

Генерал нетерпеливо махнул рукой.

– Мы не собираемся покупать эту книжку. Мы об этом и не думали, зная, что вы на это не пойдете. Есть другое предложение. Но прежде хотел бы сказать, что вы имеете дело с противником, который вам не по зубам. Подумайте, кому вы бросили вызов!

– К чему эти угрозы, господин генерал? Я не боюсь многотонных грузовиков, которые могли бы раздавить меня по

вашему заказу, я не боюсь тюремных камер, мысль о сумасшедшем доме вызывает у меня лишь улыбку. Ничего этого вы не сделаете! Предупреждаю вас еще раз: если со мной произойдет несчастье, вашей карьере тоже конец.

Асинуго стиснул зубы и глухо произнес:

– Михаил сам хотел этого... Если, конечно, верить вашей выдумке, что в ракете кто-то есть. А сколько ученых принесли себя в жертву! И никто не осуждает их за это.

Андрей засмеялся.

– Михаила тоже никто не осуждает. Это не преступление – принести себя в жертву науке. Но убить другого для науки – это уже преступление, тем более ради собственного продвижения...

– Вы перебили меня. – Я все-таки прошу вас понять, что мы не те люди, которые могут склонить голову перед начинающим журналистом.

– Повторяю, я не хочу с вами бороться. Поймите, и мне выгодней иметь в вашем лице друзей, а не врагов. К чему мне эта борьба? Я хочу жить, наслаждаться жизнью и прошу вас найти выход. У вас есть предложение? Уверен, что есть. Иначе вы не приехали бы ко мне.

Генерал Асинуго внимательно посмотрел на Андрея, как будто только сейчас по-настоящему увидел его. Да, Андрей занимает более сильную позицию в этом разговоре, знает это и потому спокоен.

Роберт улыбнулся.

– А ведь вы правы. Попытаемся договориться. А из вас, кстати, вышел бы неплохой военный. Я попытался сломить ваше самообладание, но вы выстояли...

– О-о, что вы, господин генерал. Военная карьера меня никогда не привлекала. Вот вы – прирожденный военный, это сразу видно. Вам идет командовать, в смысле властвовать. А я просто хочу жить! К чему мне власть, если я и без нее могу все взять от жизни.

– И я в студенческие годы даже не помышлял о военной карьере. Был не очень прилежным студентом. С большим удовольствием проводил время в спортивных играх, веселился в барах, развлекался с женщинами. Однако вскоре понял, что знания, доступ к информации – это уже орудие владения умами людей. Так уж устроен мир, что самой большой информацией владеют люди, у которых в шкафу висит военная форма. И сколько бы журналистских расследований вы не проводили, вы никогда не проникните за предел обыкновенных домыслов. Например, слышали ли вы что-нибудь об астральном спецназе?

– Мне не интересно заниматься этими шарлатанами.

– Шарлатаны – только ширма, за которой в действительности происходят удивительные вещи. Кто хоть раз попробовал, уже никогда не захочет, как вы выражаетесь, «просто жить». Но вернемся к моему предложению относительно вас. Представьте себе, что Военное ведомство категорически заявляет, что в ракете не было ни Михаила, ни кого-ли-

бо еще, за исключением подопытных животных. Конечно, мы допускаем возможность того, что с ракетой может что-нибудь случиться. Мы не хотели, чтобы до поры до времени кто-нибудь мог получить хотя бы малейшую информацию о действительно уникальном техническом эксперименте. Поэтому мы положили в нее одно устройство... Так что через некоторое время ракета «Феномен» не будет болтаться в Космосе...

– Но как же я?

– Терпение, Андрей. Выслушайте меня до конца. В прессе появится сообщение о том, что Михаил Валецки известен Военному ведомству. В связи с его предложением стать астрономом, с ним познакомился сотрудник военного института полковник Роберт Асинуго. При встрече Михаил сказал, что согласен работать в его институте и готов сразу же переехать на жительство в военный городок. При этом он написал записку своему другу и соседу Андрею Дизелю, чтобы тот о нем не беспокоился. Однако Михаил к полковнику не явился. Асинуго решил, что он передумал. Но в связи с распространившимися слухами о полете Михаила в ракете «Феномен», Военным министерством были приняты меры к его розыску. В результате вчера было установлено, что с Михаилом случилось несчастье: он утонул. Вчера вечером из воды был извлечен труп, который при опознании оказался Михаилом. Записная книжка, которую вы так бережете, при этом теряет свою обличительную силу.

Итак, мы обходимся и без вас, но с вами будет просто лучше. Повторяю, в ракете действительно никого нет, но сейчас, вы понимаете, нам приходится играть в игру, которую вы нам навязали. Если в этом не будете участвовать вы, единственный близкий к Михаилу человек, пойдут слухи, что это нами подстроено. Мы, конечно, задавим эти слухи, но зачем лишние сложности? Поэтому вам предлагается опознать в утопленнике Михаила Валецкого.

– А кто мертвец? Не могут опознать в нем другого?

– Это мы берем на себя и обеспечим, чтобы его никто не опознал, кроме вас. А вы увидите в нем Михаила.

Андрей Дизель задумался. Но размышлять о трагической судьбе Михаила было некогда, да и бесполезно: надо было давать ответ сидящему напротив генералу Асинуге.

* * *

Уже через часа два после встречи Андрея Дизеля с генералом Асинугой в газетах было помещено следующее сообщение:

«Ракета «Феномен» не обитаема!

В связи с возникшими слухами о том, что в ракете «Феномен» якобы находится человек, подвергающийся смертельно опасному для жизни биологическому эксперименту, Военное министерство повторяет, что ракета «Феномен» имеет

на борту только автоматические приборы. Никаких живых существ, кроме подопытных крыс, а тем более человека, в ракете нет...

Имя Михаила Валецкого действительно известно Военному министерству. Этот отважный штурман авиации неоднократно предлагал свою кандидатуру для участия в космических экспериментах.

К нашему глубокому сожалению, ему не удалось осуществить свою мечту. Михаил стал жертвой несчастного случая. Трудно было видеть горе его друга Андрея Дизеля, опознавшего труп. Он долго всматривался в лицо покойного.

– Я помню, как загорался Михаил, когда говорил о полетах, о Космосе! Взрослый человек, но с душой юноши! Это был замечательный друг!

Мистер Дизель старался казаться мужественным, но невольные слезы, которые он безуспешно старался удержать, выдавали его чувства. Он первым возложил венок на могилу своего друга...»

– Знал бы настоящий Михаил Валецкий, что в эту минуту его хоронят здесь, на Земле, – подумал Андрей. – Что он делает там, в небе? Вероятно, уже понял, что обречен и ничто не может его спасти. Может быть, от этого ужаса он сошел с ума и сейчас царапает стекло иллюминатора, глядя дикими глазами на далекую Землю. А кругом пустота, не способная даже передать его крик.

Но, скорее всего, Михаил в здравом уме. У него необыкновенная сила воли. Не зная, что вот-вот он взорвется вместе с ракетой, он продолжает работать. Ему не на кого обижаться за свою судьбу: сам хотел и добился такой участи. Если погибнет Михаил, то это не значит, что нужно погибать и ему, Андрею. Андрей хочет жить роскошной жизнью и будет так жить, чего бы это не стоило.

А может быть, прав генерал Асинуго, и в ракете нет никакого человека? А в эту игру они играют, как он говорит, только потому, что ее навязал им Андрей Дизель?

* * *

Андрей стоял в траурном зале возле гроба с телом неизвестного, наблюдая за немногочисленными посетителями, в основном, репортерами газет. Никто из них, кроме профессора Шварцберга, не знал Михаила в лицо. Все было устроено так быстро, что прежние друзья, даже пожелай они приехать, не успели бы проститься с бывшим штурманом.

Роберт Асинуго держится уверенно. Теперь, когда он спас репутацию Военного министерства, ему обеспечена прямая дорога военной карьеры. Такой молодой, а уже генерал! Скучающим взглядом Андрей обводит зал. И вдруг видит то, чего не ожидал. Точнее он не думал о них, просто забыл о них в связи с последними волнениями. К гробу подходит Тэсс со своим старым отцом. Он глядит строгими глазами на мерт-

веца. На Роберта и Андрея профессор Шварцберг посмотрел лишь вскользь и тут же отвернулся. Профессора окружили репортеры, но генерал Асинуго продолжал сохранять ледяное спокойствие.

– Значит, и с ними договорился, – подумал Андрей и взглянул на Тэсс.

Она не смотрела на мертвеца, она смотрела на Андрея, и он не мог отвести взгляда от ее расширенных глаз. Он смотрел на нее до боли, до рези в глазах. Краска залила его лицо. Сердце стучало так громко, что казалось, что его биение слышно в самых дальних уголках зала. Он чувствовал жгучий, нестерпимый стыд. Ему было бы легче, если бы Тэсс смотрела на него с упреком, осуждением. Но она смотрела на него просто, как будто хотела запомнить, как выглядит его лицо.

Когда Тэсс, наконец, прошла мимо гроба, Андрей вздохнул с нескрываемым облегчением и тотчас вышел в соседнюю комнату, а оттуда на веранду. Вслед за ним направился Асинуго. Роберт покачал головой.

– Как она на тебя смотрела! Уверен, что она по уши влюблена.

– Она считает меня подлецом!

Андрей вышел в парк. Свежий воздух успокоил нервы. Теперь Андрей Дизель не беспокоился о своем благополучии. Вот только Тэсс... Ну, да ладно, всегда приходится делать выбор, чем-то жертвовать...

О Михаиле Андрей забыл на следующий же после похорон день, как будто и в самом деле похоронил настоящего Михаила Валецкого.

* * *

Прошел месяц, два, полгода... Сообщений о взрыве ракеты «Феномен» так и не поступило. Правда, никого, кроме Андрея Дизеля и заинтересованных лиц, эта история давно уже и не волновала. Генерал Асинуго также ничего не говорил о том, что в Космосе произошло то, что, по его словам, должно было произойти. Они встречались пару раз, и Роберт продолжал делать какие-то намеки о совместной работе. Но Андрею было не до того. Впервые за последние несколько лет он позволил себе отдых. Денег, которые заплатил ему Асинуго за молчание, хватило бы на год безбедной и даже шикарной жизни. Но надо было подумать и о перспективе.

А перспективы представлялись Андрею очень и очень смутными. Он был репортером популярной международной газеты, но оставался советским подданным. Биография его, с точки зрения КГБ, была безупречной: отец – кадровый военный, герой войны. Мать рано умерла.

Если бы КГБ пронюхал, что он взял деньги у генерала Асинуги, Андрею не пришлось бы сейчас сидеть на борту белоснежного корабля и наслаждаться природой тропиков. Он, в лучшем случае, валил бы сосны где-нибудь в Сибири.

Больше всего Андрея удивляло то, что КГБ никогда не делал ему предложения о сотрудничестве. Даже собственный отец не верил в то, что советского журналиста, посланного работать на Запад, никто не пытался завербовать. Не верил потому, что Андрей никогда не боялся иметь собственное мнение и открыто его высказывать. Такое, как считал отец, могли себе позволить только тайные агенты. Сам отец однажды, не выдержав, назвал при гостях главу государства «мембраной». Так после того, как он протрезвел, с ним чуть было не случился инфаркт.

Объяснение своему странному положению Андрей нашел лишь недавно, когда к власти пришел Михаил Горбачев. Им нужны были такие люди как Андрей: свободолюбивые, независимые, легко приспосабливающиеся к любой ситуации. Именно поэтому его решили оставить «чистеньким».

Но можно ли привезти в Союз свой начальный капитал? Этого Андрей пока не знал и потому находился в растерянности.

Угнетенное состояние скрашивали только изумительная природа полуострова, на котором он отдыхал, опьяняющий аромат тропических цветов и бронзовое тело Бетти, удивительно похожей на Тэсс девушки, которую он случайно подцепил возле своего дома.

Быстро сгущались темно-синие сумерки. На приближающемся берегу то и дело вспыхивали новые огни. Бетти позвала его в каюту.

– В чем дело, Бетти?

– Вас ждет мистер Артур Беккер.

– Не знаю никакого Беккера!

– Он сказал, что вы давние друзья...

– Вот как?

Сердце Андрея учащенно забилося в предчувствии новых неожиданностей. Он уже ощущал тоску человека, готового свернуть горы и перевернуть небо ради того, чтобы жить, а не просто существовать.

– Самые приятные ощущения, – произнес незнакомец, – когда летишь утром навстречу солнцу на большой высоте. Полупрозрачные перистые облака – складки на голубом фоне... Хотелось бы слетать в космос! Состояние полета не сравнить ни с каким другим. Но предлагать себя в качестве космонавта бесполезно. Это лотерея, счастливый выигрыш достается одному из миллионов. Разве что попытаться принять участие в каком-нибудь опасном секретном эксперименте...

Андрей оторопело уставился на незнакомого мужчину. Он хорошо помнил эти слова. Их произнес Михаил, когда они сидели вдвоем в китайском ресторанчике. Андрей внимательного вглядывался в незнакомца. Рост и фигура как у Михаила. Но эта седина, эти волосы, прикрывающие лоб! И все-таки есть несомненное сходство. Неужели?..

Мужчина вдруг встал, подошел к Андрею, обнял его и похлопал по плечу. Так Михаил всегда встречал его после воз-

вращения из редакции.

– Ты?

– Да, это я, целый и невредимый.

– А ракета «Феномен»?

– Благополучно приводнилась в пятистах километрах от этого места в экватории Тихого океана. Но я все это время прохлаждался на экзотическом острове посреди океана.

– Значит, генерал Асинуго не обманывал меня?

– Обманывал!

– Но в чем?

– Он с самого начала знал, где я нахожусь. И вся эта игра была навязана тебе, а не тобой.

– Зачем?

– Если я изложу все в двух словах, ты сразу пошлешь меня... Поэтому давай выпьем по бокалу пива, и я расскажу тебе свою историю с начала и до конца...

* * *

– Как ты знаешь, когда мне было семь лет, я уехал с родителями в Канаду. Учился там в школе в одном классе с будущим генералом Робертом Асинугой. Мы в детстве были врагами. Я невзлюбил его с первого взгляда. Это был рыжий задиристый пацан, которому нельзя было верить ни на полногтя.

Когда он был рядом со мной, я всегда с тревогой погля-

дывал на него со стороны, стараясь угадать, какую гадость он может мне подстроить. Но у меня на это не хватало воображения. Он всегда заставлял меня врасплох, как, впрочем, и других. От него доставалось всем, на него постоянно жаловались, его наказывали родители и педагоги. Его таскали к директору каждый день и там подолгу «читали мораль».

Дома по вечерам он стоял в углу возле окна злой и неприимый, готовый воспламенить своими огненными волосами занавеску. Но он сразу же менялся, как только его прощали. Выйдя из угла, становился хитрым и вероломным, он как будто светился обжигающим солнцем озорства.

Ко мне Роберт Асинуго имел особое расположение. Что-то было во мне такое, что не давало ему покоя. Все – и самые мелкие, и самые крутые издевательства, он сначала пробовал на мне, а потом уж подстраивал другим.

Однажды он втянул меня в соревнование как можно дольше смотреть, не мигая, в одну точку. Он даже показал, как это нужно делать. Я смотрел в его немигающие глаза, серые с зелеными крапинками, на черные точки зрачков и не мог предположить, что он сделает меня посмешищем для всего класса.

Я уставился в окно, а он заметил время. Я слышал его возню возле себя, но не оборачивался, чтобы выиграть соревнование. Оказывается, он повесил мне на спину плакат с надписью: «Египетский сфинкс, устремленный взглядом в загадочную глубину веков».

Одноклассники толкались около меня, читали эту надпись, покатывались со смеху, а я неподвижно стоял и не мигал. С тех пор меня так и прозвали «египетским сфинксом».

Но всех его проделок не перечислишь. В конце концов, мне стали ненавистны его рыжие вихры, его покрытая веснушками шея, щеки, нос, мне был неприятен его голос, его манеры.

Самым неприятным было то, что учился он отлично. Он был способным и настойчивым парнем, легко разбирался в самых сложных предметах и особенно в математике, в которой я был слаб. Мне казалось, что учиться хорошо могут только послушные, воспитанные дети, поэтому он был в моих глазах нарушением законов природы. – Я подозревал, что он уж не так способен, чтобы схватывать все на лету. Подозревал, что тайком от всех он специально учит материал вперед по учебнику, чтобы потом уязвить всех, и особенно меня, своими знаниями. Этим в старших классах он изводил меня сильнее, чем прежде своими проделками и драками. Что бы я ни придумывал, что бы я ни делал, он всегда оказывался впереди меня. Делал все лучше с каким-то вызывающим мастерством и проворством. Не было ничего, в чем бы я его опережал.

В учебе я невольно соревновался с ним и отвечал урок не столько преподавателям, сколько ему. И почти всегда он уничтожал меня, дополняя ответ какими-нибудь новыми сведениями.

Но вот в восьмом классе произошло чудо, которое сразу изменило наши отношения. – Я участвовал в выпуске стенной газеты как самодеятельный художник, потому что неплохо рисовал карикатуры и виды. Роберт тоже рисовал, и мне казалось, что и рисует он лучше, чем я. Рисунки его были старательные, чистые, тогда как у меня часто были поспешные недоделки.

Однажды после выпуска очередной газеты он подошел ко мне и прямо сказал:

– На этот раз твоя взяла. Майкл, в твоих рисунках есть талант. Точно есть! А я всего лишь навсего хорошо рисую.

Я опешил и несвязанно пробормотал:

– Да нет, что ты. Тебе показалось... Не вижу ничего хорошего.

– Не притворяйся! У тебя в рисунках каждая черточка живая!

После уроков мы вместе пошли домой, и на улице он мне доверительно сказал:

– Хочу заняться радиотехникой. Заходи ко мне, может, вместе смастерим что-нибудь.

Так мы подружились и стали ходить друг к другу. С годами он все больше удивлял меня широтой своих знаний и необыкновенной силой воли, с которой брался за любое трудное дело и осиливал его.

У него не было призвания, он сам говорил мне об этом. Он увлекался всем: математикой, историей, радиотехникой,

астрономией. По каждому предмету вырывался вперед. Во дворе он, как прежде, казался мне мальчишкой. Но дома, несмотря на свои буйные огненные вихры и озорные глаза, он был волевым человеком, способным сокрушить любую крепость.

Однако он нисколько не задавался. Бобби был внимателен, не пренебрегал никакими занятиями, и мы чувствовали, что он как будто уже не у нас в классе, а где-то далеко впереди – взрослый зрелый человек, которому ясно многое из того, над чем мы еще не задумались.

После окончания школы мы разошлись. Я некоторое время занимался бизнесом, а потом уехал на север и стал штурманом. Живопись осталась моим хобби. Не появлялся я в нашем городе несколько лет.

Нет художника, который не мечтал бы о выставке своих картин. Лучше всего, конечно, персональная выставка, но для начала неплохо получить хотя бы кусочек стены в каком-нибудь углу. И вот, наконец, я его арендовал. Уличная реклама извещала прохожих о выставке картин местных художников. Список фамилий авторов был длинным, и потому я попал в число тех, которые скрывались за словом «и другие».

– Я не знаю, была ли толпа у входа в выставочный зал при открытии выставки – меня там не было. В среде начинающих художников принято относиться к славе с некоторым пренебрежением. Поэтому я пошел на выставку только к концу

первого дня.

Неспеша продвигался я к своему залу, ожидая, что там никого не будет, а если и окажется кто-нибудь, то не обязательно около моих картин.

И вдруг я увидел Роберта Асинугу. Он внимательно и долго рассматривал мой пейзаж «Сентябрь», склонив голову и улыбаясь. Я узнал его сразу, хотя внешне он очень изменился. Его волосы не были прежними рыжими вихрами, а уложены в аккуратную и продуманную прическу. Одет он был в строгий безупречный костюм. И только нос в неистребимых веснушках напоминал прежнего озорника Бобби.

Я едва поборол в себе желание убежать – я спокойно мог увидеть около своей картины кого угодно, только не его. Мне почему-то стало стыдно за нее, как будто Роберт подсмотрел что-то личное и посмеется надо мной.

Убежать из зала было, конечно, неудобно, и я, затаив дыхание, подошел к Бобби сзади, соображая, как с ним заговорить. Но, не отрывая взгляда от моей картины, он неожиданно сказал:

– Молодец, Майкл! Здорово ты стал рисовать! Я бы никогда так не сумел.

Потом он повернулся ко мне и, несколько не удивившись моему присутствию, поздоровался:

– Привет, Михаил!

Я взглянул в его глаза, серые с зелеными крапинками, и знакомое с детства ожидание подвоха охватило меня. Одна-

ко он только критически оглядел меня и, кажется, остался доволен.

Я смущенно пробормотал:

– Как ты догадался, что я рядом?

– Почувствовал твое дыхание. А ты возмужал...

Он сказал это шутливым тоном, которого я испугался и потому решил перевести разговор на него самого.

– А как ты живешь, Бобби? Чем занят? Я слышал о тебе много странного. Говорят, что ты закончил экстерном университет, сделал какое-то открытие, работал в обсерватории профессора Шварцберга, а потом вдруг поступил в медицинский и перешел в военный институт...

– Да, я работаю в закрытом институте нейрохирургии. Думаю, что мне удастся получить пропуск для тебя. У нас там чудеса! Занимаемся протезирование нервных волокон...

– Извини, но я не имею об этом никакого представления.

Роберт посмотрел на меня долгим презрительным взглядом, каким, вероятно, смотрит страус на воробья, который осмеливается называть себя птицей.

– Возможности обработки информации даже у самого мощного суперкомпьютера приравниваются к нервной системе улитки. Наш мозг может хранить информацию, которая заняла бы двадцать миллионов томов. Люди используют менее сотой доли процента своих возможностей.

Бобби снова посмотрел на меня тем взглядом, от которого мне захотелось втянуть голову в плечи.

Мы вышли из зала на набережную. У самых дверей Роберт столкнулся с седым представительным мужчиной, который предупредительно отступил перед ним, давая дорогу и, слегка поклонившись, поздоровался.

– Кто это? Твой подчиненный?

– Нет, этому человеку я делал операцию.

– Ты можешь делать операции? Роберт Асинуго, я преклоняюсь перед тобой! – Я никогда не выносил вида чужой крови.

– Дорогой Майкл! Как мне хочется задрать нос! Я всю жизнь добивался, чтобы ты сказал мне эти слова. Я считал талантом тебя! Ты рисовал, а я удивлялся, что у тебя получается совсем не то, что видел я, но это было гораздо лучше. В детстве мы с тобой...

– Да-а, в детстве было кое-что. Но ты скажи мне, почему ты оперировал этого человека?

– Он участник войны. Пуля вырвала у него часть позвоночника, спинной мозг был поврежден, частично перебиты нервные волокна. Остался жив, но нижняя часть тела отнялась. Долгие годы валялся в постели, его возили в коляске. Красивый, умный, добрый человек был обречен на участь безнадежного калеки. И только нам удалось заменить поврежденный участок спинного мозга. Использовали микротоки для протезирования нервных волокон. Пока лучшие материалы удается получать только в космических условиях. Поэтому я и не прерываю связь с профессором Шварцбергом...

Я тебе все покажу!

Серо-зеленые глаза Бобби хитро улыбнулись.

– У меня там чудеса! Ну, представь себе, что у кошки отрезана лапа, которая отнесена на другой стол. Различные устройства, конечно, питают эту лапу, но с основным организмом она не связана. И вот ты щелкаешь кошку по носу, а лапа на соседнем столе, выпускает когти и пытается тебя цапнуть. Сам понимаешь... Я прочел твое письмо профессору Шварцбергу...

Андрей Дизель нетерпеливо перебил затянувшийся рассказ Михаила.

– Ты так и не сказал мне о главном! Ты летал на ракете «Феномен»?

Михаил на минуту замолчал, о чем-то раздумывая, но потом все же ответил:

– Меня там не было, но там был мой мозг.

– Что? Ты пошел на такое?!

– Встретимся завтра, и тебе все станет ясно.

– Нет, я, пожалуй, не соглашусь на твое предложение.

– Тебя не интересует все это даже как журналиста?

– Очень интересует, но кажется подозрительным, что ты рассказываешь мне о вещах, скрываемых от прессы...

– Ну, как знаешь, – Михаил хитро прищурился и с усмешкой смотрел на Андрея, лицо которого то краснело, то бледнело и выражало весь спектр сомнений, подогреваемых жгучим интересом.

* * *

Андрей Дизель и Михаил стояли на углу около площади и пожимали друг другу руки. Андрей понимал, что Михаилу надо куда-то идти, и они прощались. Андрей все же обещал встретиться с ним на следующий день, не предполагая, что это случится гораздо раньше. Не более чем через пятнадцать минут он будет лежать на операционном столе, а генерал Роберт Асинуго будет сосредоточенно, молча, изредка сердито поглядывая на сестер, оперировать его слабеющее тело.

Они попрощались. Андрей перешел через площадь и, выйдя за белую черту, помахал Михаилу рукой.

В ответ Михаил поднял обе руки, соединенные в рукопожатии, и вдруг лицо его испуганно вытянулось. Андрей обернулся и увидел мчащийся на него грузовик. Страшно, пронзительно взвизгнули тормоза, раздался крик: «Андре-е-й!» Он почувствовал сильный удар в бедро и навзничь упал на мостовую.

* * *

Андрей пришел в себя от резкого света. Его удивляла и тревожила странность его состояния. Он думал, что если уж он попал под автомобиль и остался жив, то сейчас должен

был бы страдать от боли. В последнюю секунду там, на площади, он еще чувствовал сильный удар в бедро бампером автомобиля. А теперь у него словно нет ни этого бедра, ни ног, ни рук, ни даже головы. Да, это невероятно, но у него нет тела. Если бы оно было, оно болело бы, дышало, оно чувствовало бы... Может быть, он умер, тело его мертвое, и только мозг еще работает?

А может быть, это и есть смерть? Может быть, у трупа мозг временами просыпается, но не может никому сообщить об этом, так как не управляет ничем, кроме своих мыслей.

– Неужели я мертв? Надо стараться как-то провести время. Провести время? Это понятие потеряло для меня смысл, потому что мне безразлично быстро или медленно оно идет. Сколько времени прошло? Год или час?

Неожиданно послышались звуки. Они возникли не сразу, не вдруг, но когда Андрей заметил их, ему стало радостно, как от долгожданной удачи. Он прислушивался и все больше убеждался, что слышит звуки из внешнего мира. Это было тиканье часов. Слышно только тиканье часов и никаких других звуков. Может быть, там ночь?

* * *

Андрей не заметил, как наступило забытие. Разбудил его громкий разговор около него, почти над ухом. Разговаривали двое. Голос одного он узнал сразу. Это был Роберт Аси-

нуго. Другой голос, глуховатый и озабоченный, принадлежал Михаилу.

– Вы уверены, что операция прошла удачно?

– Майкл, ты сам видишь, что тело живет, дышит, мы даже отключили искусственные легкие. Послушай сам, как работает сердце – как у здорового человека. Синяки и ссадины пропали, бедро почти срослось. На голове с трудом найдешь следы швов. Раны хорошо заживляются, когда человек лежит без движения так долго.

– А как мозг?

– Анализ питательной среды показывает, что обмен веществ в норме. Значит, мозг живет. Мы будем хранить его тело, потому что это тело живого человека, и поддерживать мозг питанием, потому что он, может быть, мыслит.

– Долго ли это будет продолжаться? Сколько времени мозг и тело смогут существовать отдельно? Вы говорите, что вложить мозг на прежнее место в череп уже невозможно? – спросил Михаил.

– К сожалению, пока это сделать нельзя. Череп слишком деформирован. Смерть фактически наступила сразу после удара. Спасти мозг оказалось возможным только удалением его из черепной коробки. Но это даже к лучшему.

– К лучшему для кого?

– Для науки, конечно. А может быть, и для пациента. Пока нас, добровольно пошедших на риск, было только двое. Твой мозг уже на месте... – Я жду, когда ты передашь на полотне

ту фантастическую картину, которую наблюдаешь.

– Да, никто не поверил бы, что предметы могут казаться такими. Стволы сосен определенно синие, ветви космато желтые, как будто они сделаны из соломы. И березы поражают ядовитым оттенком желтизны. Небо мутновато оранжевое, облака ослепительно голубые.

– Вот-вот, интересно знать, покажется ли нормальному человеку привычно зеленой ярко-желтая сосна, которую ты нарисуешь с натуры. Нарисуешь так, как ее видишь ты. Но Тэсс, возможно, увидит, что это самая обыкновенная сосна и не удивится. Ведь нормальный человек с детства называет этот цвет зеленым...

– Тэсс? Если бы мой мозг был на месте, от одного этого имени у меня бы закружилась голова, – подумал Андрей.

Она стояла возле его койки. Да, это была именно она, дочь профессора Шварцберга. Это был ее голос. Она, уверявшая его в том, что не выносит Роберта Асинугу, теперь обращалась к нему с нескрываемым восхищением и уважением. Говорила что-то о его светлой голове, золотых руках... Он мучительно ощущал, как улыбается Тэсс, глядя на рыжие волосы Бобби, его веснушки, ничуть не поблекшие от возраста... Догадывается ли Роберт, что Тэсс так восторженно относится к нему? Нет. Он слишком занят своими проблемами, чтобы замечать чувства подчиненных...

– Что показывает контрольный экран? – спросил Михаил.

– Пока ничего.

– А может быть, он слышит нас, но пока не может сообщить об этом?

Андрею стало страшно: Роберт Асинуго мог подумать, что он ничего не слышит, а только мыслит, оторванный от всего, и не будет с ними говорить.

– Но я слышу! Слышу! Как сказать им об этом? Дорогой Миша, догадайся же ты! Говори больше: я ведь только этим и могу жить сейчас, слушать и слушать жизнь.

Андрей снова прислушался. Говорил Роберт.

– Возможно, что и слышит, но как мы узнаем об этом. Сейчас очень нужен первый толчок со стороны мозга, сильная волевая попытка связаться с какой-нибудь частичкой тела. Надо пытаться! Контрольный экран включен.

– Андрей! – громко сказал Роберт, – если ты меня слышишь, если ты меня понял, сделай попытку чем-нибудь пошевелить. Мы смотрим на экран, мы увидим, что ты пытаешься.

Андрей понял его, но как трудно сосредоточиться, когда не чувствуешь того, чем должен двигать. Надо представить себе, что падаешь, и вслед за этим сделать движение, чтобы удержаться. Так бывает во сне, когда после этого вздрагиваешь и просыпаешься. А еще лучше вообразить себе страшную опасность, которая должна быть яркой и сильной.

Андрей вспомнил мчащийся на него автомобиль, услышал, как взвизгнули тормоза, увидел испуганные глаза шофера и бросился в сторону, кажется, даже побежал. И тут же

раздался радостный крик Михаила:

– Бобби, он жив, он ответил!

Андрей услышал голос Тэсс:

– Только что звонили из скорой помощи. Везут к нам пострадавшего. Опять уличная катастрофа.

– Кто он?

– Доктор Брандт, известный ученый-экономист.

Минутное молчание. Затем скользящий звук – Андрей представил, как Роберт Асинуго с загоревшимися глазами потирает ладони. Его голос, чуть прерывающийся от волнения:

– Материал сам идет нам в руки!

– Бобби, неужели ты решишься?

– А почему нет? Я сделаю мозг Андрея дублером мозга доктора Брандта. Мы вживим в его мозг искусственные волокна.

Страшная догадка обожгла Андрея. Он снова представил мчащийся автомобиль и одновременно невыносимая боль пронзила тело. Андрей потерял сознание...

* * *

Больничная койка на мягких колесиках была осторожно выдвинута на веранду, выходящую в сад. Если опереться локтями на подушку и приподняться, то можно увидеть клумбы цветов, высокую ярко-зеленую траву и тропинки,

посыпанные желтым песком. Такими они, вероятно, казались другим. Но Андрею трава казалось ярко-красной. Он едва узнал куст розы с коричневыми листьями ветвей и совершенно зелеными, салатового цвета, лепестками. День был яркий, солнечный, весенний, а ночью пронеслась гроза. Как обычно, после грозы все на земле выглядело празднично, все как будто улыбалось и жмурилось от солнца.

Рядом с Андреем стояла счастливо улыбающаяся Тэсс. Ее лицо было похоже на это сегодняшнее утро, свежее и ясное после ночной грозы.

– Страшно представить, что было бы, если бы я не смог разбудить свое тело. – Я не смог бы прекратить это мучение, не смог бы даже уничтожить себя. Как будто я прежний, такой как был, а между тем в моей голове нет сейчас мозга. Я с тобой разговариваю, а фразы, прежде чем они будут произнесены, рождаются вон в той коробке. Там находится мой мозг. Как это тебе нравится?

После слов Андрея Тэсс растерялась и как-то невыносимо трогательно полуоткрыла рот. Он повторил тем же тоном:

– Как это тебе нравится?

– Да, даже не верится. Но Роберт уже год живет так. Говорит, что пока не доведет свой мозг до совершенства, он будет существовать отдельно от его тела.

– Ее волнует только он, Асинуго! – подумал Андрей. – Странно, но меня это нисколько не задевает. Кажется, когда-то она мне нравилась, я был даже влюблен...

– Вам звонил главный редактор мистер Кислов. Он с нетерпением ждет вашей статьи. И вашего полного выздоровления, конечно.

– Он знает?!

– Нет, конечно, нет. Он просто надеется, что вы расскажете, что чувствовали, находясь в состоянии клинической смерти. Вас выпишут примерно через месяц. Мы поместим черную коробочку с мозгом в изящный чемоданчик. Автоматика, обеспечивающая его постоянным питанием и кислородом, будет находиться тут же. Она займет немного места, как и приборы, регулирующие температуру и давление. Помните только одно предупреждение: вы не должны уходить от своего мозга дальше, чем на пятьдесят метров. Может нарушиться связь. Ваш мозг окажется в одиночестве, а тело – в состоянии глубокого обморока, что очень опасно... Принесите, пожалуйста, бумагу и ручку.

Тэсс радостно взглянула на него.

– Вы будете писать?

– Да, попробую.

Андрей поднялся на койке и, не слезая с нее, облокотился на перила. В саду от жаркого солнца поднималась испарина ночного дождя. Солнечные лучи пятнами расцвечивали мокрую траву, от чего она сверкала разноцветными алмазами. Ему захотелось выйти в сад. Он уже с легкостью мог передвигаться без посторонней помощи, но пока Тэсс ему этого не разрешала.

– Я пришел в себя от резкого света, слепящего глаза сквозь закрытые веки, – начал Андрей... – Я пришел в себя от резкого света... – Что же это? Он все помнил, помнил каждую мелочь, но фразы получались какими-то сухими, невыразительными, как математические формулы. – Этот дядя Кис! Как он не понимает, что давно пора заменить состав редакции! Взять молодых, продвинутых! Если он не сделает это, обанкротится. Может быть, это произойдет через месяц, а может быть через год...

Андрей неожиданно поймал себя на том, что вместо душераздирающего описания клинической смерти, которого ждал от него Юджин Кислов, набрасывает на листе бумаги экономический расчет последствий возможного банкротства...

И снова страшная догадка обожгла его. Андрей опрометью бросился в туалет, подбежал к зеркалу. На него из зеркала смотрела его собственная испуганная физиономия. Только выражение лица и мысли были абсолютно чужими. От волнения как будто закружилась голова, он почувствовал, что ему надо полежать. Неуверенными шагами вышел из туалета и направился к веранде. Ноги не очень слушались. Координация движений еще не совсем наладилась, но Роберт уверял, что мозг быстро справится с этой задачей. Чей мозг? Его или...

– Без искусственного биоточного стимулятора, которым мы пользуемся в лаборатории, сердце может остановиться. А в остальном... Никто и подозревать не будет, что ты носишь в руке свой разум. Можешь носить его и в рюкзаке под пиджаком. Можешь работать, веселиться, влюбляться... Ну, конечно, тебе придется периодически приходить на консультации в наш институт. А потом... потом Роберт вставит твой мозг туда, где ему положено быть, – Михаил дружески похлопал его по плечу. – Дядя Кис ждет тебя в машине.

– Но что он скажет, когда убедится в том, что я уже не журналист? Он заподозрит неладное, он разоблачит всех нас!

– После операции на мозге могло произойти все, что угодно. Это нормально. Скажешь, что теперь увлекся экономикой. Но если будут затруднения, обращайся к Тэсс. У нее прекрасный слог. Она даже пишет стихи. Мы сделаем все возможное для того, чтобы у тебя не было никаких проблем, и никто ничего не заподозрил.

Андрей шел по песчаной дорожке. Неожиданно из-за кустов выбежал лохматый черный пес. Хищно присел на все четыре лапы и бросился к нему, яростно лая. Андрей ускорила шаг. Это окончательно взбесило пса и он, уже не лая, а громко хрипя, рванулся к нему. Андрей не успел увернуться, и пес вцепился в правую ногу. Раздался треск материи.

Андрей остановился. Пес отскочил в сторону и, осклабясь белыми клыками, рычал, захлебываясь о ненависти. Андрей схватил первый попавшийся под руку камушек и бросил в собаку. От точного удара пес перевернулся в воздухе, жалобно взвизгнул и растянулся на траве. Его бока тяжело вздымались, а глаза смотрели на Андрея с невыносимой собачей грустью. Андрею стало жалко его. Он хотел нагнуться к нему и погладить, но тут подбежал санитар и, осторожно поднимая раненое животное, понес его к зданию.

Андрей подумал, что пес выживет. Если дышит, значит отойдет.

– Какая неожиданная сила в моих руках! Надо быть осторожным.

Андрей поднял порванную штанину и осмотрел ногу. На икре были вдавленные в кожу следы клыков. А боли не было. Он ущипнул себя за ногу. Никакого ощущения. Вот это да! Андрей щипал свои бока, щеки, руки, но не чувствовал боли – только легкое прикосновение. Не почувствовал он и как крепко сжал его в своих объятиях дядя Кис. Только по глазам понял, что тот искренне рад его видеть живым и здоровым. Если бы он знал!

Андрей сел на заднее сиденье лимузина главного редактора и открыл окно. Они мчались в город. Ветер упруго бил в лицо. По сторонам мелькал пятнистый, ультрамариновый и желтый лес. На широких газонах росли необычайные цветы. Белый цвет оставался белым. Черный – черным. Осталь-

ные цвета поменялись местами. Автомобили теперь спокойно ездили на красный цвет. Как можно будет жить в таком искаженном мире? А впрочем, это кажется ему непривычным только в первый день. Человек всегда удивляется новому... И все-таки, может быть, стоит вернуться?

Ведь эти ощущения возникли внезапно. Еще месяц назад все было нормально: трава – зеленая, небо – голубое. Теперь же трава стала ярко-красной, небо полыхало заревом пожара. А это отсутствие боли! Он хорошо помнил, что первым ощущением после операции была боль во всем теле...

Андрей посмотрел на уже начинающий покрываться белым золотом затылок дяди Киса.

– Нет, надо переждать. Переждать хотя бы несколько дней. Тогда можно будет сказать Юджину, что мне нужна консультация нейрохирурга. Сейчас мне нечего ему сказать. Меня бы не выписали, если бы я не был в полном порядке.

* * *

Прошли две недели. В институте нейрохирургии Роберта Асинуги не было. Он отсутствовал уже несколько дней – уехал в Лондон на международную конференцию по биотоксам.

Все это Андрей узнал от Тэсс. Она встретила его радостно, и в ее восклицании чувствовалась не тревога, а уверенность, что с ним все хорошо. Как не хотелось ему ее разоча-

ровывать!

– Подожду возвращения Роберта, – твердо решил Андрей, хотя в глубине души осознавал, что ему вовсе не так уж хотелось этого. Теперь рядом с ним была Тэсс, и она будет с ним всегда, желает она этого или нет. Она нужна ему. Нужна как доктор, владеющий тайной его перевоплощения.

* * *

22 августа 1986 года на первой полосе международной газеты «Калейдоскоп» появилась статья о попытке похищения крупнейшего специалиста в области мозга Роберта Асинуги, а также маленькое сообщение о возвращении на родину ведущего репортера газеты «Калейдоскоп» Андрея Дизеля вместе с молодой женой миссис Тэсс Дизель.

Андрей прислонился к иллюминатору. Над ним простиралось перламутрово-оранжевое небо, а внизу плыли голубые муаровые облака. Он мучительно ощущал, что все неповторимое, личное, присущее отдельному человеку исчезло, испарилось. Был только мозг! Мозг, наполненный грандиозными прожектами. Мозг, жаждущий совершить прорыв через непознанное.

Андрей достал из внутреннего кармана пиджака фотографию. Это его мать. Нет, он не помнил ее, как и не помнил своего брата, своих друзей. Ему пришлось заново учить собственную биографию. Сможет ли он жить с этим?

* * *

В аэропорту Шереметьево-2 Андрея и Тэсс встречали двое неизвестных ему мужчин в штатском. Крепкое рукопожатие, дружеские объятия. Кто они? Неужели старые знакомые? По спине пробежали колкие мурашки. Но он не испытывал страха. Он ощущал себя свободной, уверенной в себе личностью.

Андрея и Тэсс посадили в разные автомобили с тонированными стеклами. Тэсс отчаянно сопротивлялась, выкрикивая что-то о правах человека. Холодный ум Андрея взвесил все обстоятельства: значит, им предстоит допрос, и допрашивать их будут по одиночке. Неужели они что-то пронюхали?

Он выглянул в окно, в тайне надеясь, что здесь, на родине все встанет на свои места. Но деревья и кусты были покрыты ленивой и влажной темно-красной листвой, и во всем этом ощущалась какая-то неземная прелесть. Словно это ландшафт незнакомой планеты.

* * *

Белый, как в больнице, кабинет. Андрея давно ждут. Кто этот человек со строгими задумчивыми глазами и непропор-

ционально большим черепом?

– Познакомьтесь, это доктор физико-математических и медицинских наук профессор Раевский.

– Я не задержу вас надолго, – Раевский с неподдельным волнением обнял Андрея за плечи. – Вам только предстоит рассказать мне все, что вам известно об эксперименте генерала Асинуги.

Горячая кровь обожгла лицо. Значит, Андрей был прав. Да не волнуйтесь вы так! Вы полагаете, что вы один такой на планете Земля? Мне пришлось дольше ждать, чем вам, возвращения в этот мир. И, как и вам, я видел его в искаженном цвете. Но теперь удалось решить и эту проблему. Нам еще мало, и мы должны быть вместе. Вместе – потому, что есть другие, подобные нам, и они очень опасны.

Наши дни

22 августа – в день рождения своего мужа дочь Раевского Люба проснулся в четыре утра. Ночью разразилась гроза. Грохотало так, что дрожали стекла. Внезапно сверкнула молния, и Любе показалось, что она ударила в стоявшую на подоконнике клетку с попугаем. Но птица была жива, только забилась в угол. Люба закрыла все форточки и несколько раз без всякого смысла прошлась по квартире. Ее мучили какие-то воспоминания. Она увидела себя в опутанном проводами кресле, к черепной коробке прикреплены датчики. Вокруг только белые стены и столики с приборами. В ком-

нату вошел отец. Профессора Раевского сопровождали двое мужчин и женщина в белых халатах и марлевых повязках, скрывавших их лица.

– Это моя дочь Люба.

– Как вы себя чувствуете?

– Нормально, если можно считать нормальным то состояние, когда сознание существует как бы отдельно от тела.

– Люба, тебе придется ответить на несколько вопросов.

Их задаст тебе мой коллега.

– Скажите, что вы ощущаете, когда ваше сознание покидает реальность и погружается в прошлое или улетает в будущее?

– Мне казалось, что рядом со мной находится какая-то невидимая Сущность, которую я называю третьим мужем. Примерно раз в четыре года его внешний облик в моем представлении менялся. Сначала он был мужчиной на 16 лет старше меня, затем юношей – на 20 лет моложе, потом инвалидом. Время от времени внешне он выглядел женщиной, но по сути всегда оставался настоящим мужчиной. Иногда он зарабатывал миллиарды, в другой раз становился бомжом. Независимо от того, кто спал со мной в одной постели – кот, собака или законный супруг, рядом был всегда только он, третий муж. Он заставлял меня брать себя в руки, когда все шло наперекосяк. Он заставлял меня идти в парикмахерскую, когда я становилась похожей на ведьму. Он заставлял меня вставать в шесть утра и работать, когда мне хотелось

все послать к чертям собачьим. Он сажал меня за компьютер и заставлял на время забывать о хлебе. Но в это время деньги на хлеб сами приходили ко мне без всяких усилий с моей стороны. А из подсознания в его незримом присутствии рождались вещие строки. Однажды я вдруг ввела в компьютер странный текст:

Ты видишь этот узкий след?
То след от вспышки метеора
В молчанье погрузился
Космос над Кореей

Внезапно я очертила над головой круг и резким движением опустила руку. Это было 14-го апреля, а утром 15-го поступило сообщение о крушении в Южной Корее китайского самолета «Боинг 767».

– Продолжайте эксперимент, – твердо произнес коллега в маске и, пожав Любину руку, вышел из комнаты.

Глава 3. Протуберанцы подсознания

Майский воскресный полдень. Люба с дочерью Кристиной и внучкой Оксаной прогуливается по живописной долине реки Сходня. Верхушки старых лип изрисовали белоснежные облака причудливым узором. Кусты сирени еще хранят аромат буйного цветения весны. Солнечные лучи просвечивают ажурные кусты, за которыми струится извилистая как змея речка. Любин муж Антон жарит шашлыки.

Кристина выглядит как топ-модель: высокая стройная брюнетка с большими карими глазами и маленьким вздернутым носиком. Одетая с большим вкусом в европейском стиле.

Люба намного ниже ее ростом, полная, грудастая с копной кудрявых волос. На ней голубые бриджи, полосатые гольфы, клоунское кепи и большие лекторские очки. Выглядит сильно возбужденной и слегка не в себе.

– Сначала я думала, что мои предчувствия природных бедствий и актов террора – какая-то разновидность психического расстройства, но теперь я уверена, что за этим что-то кроется. Кто-то хочет свести меня с ума! Кто он? Зачем вовлек меня в свою дьявольскую игру?! Стоит моему писательскому воображению перенестись в какую-нибудь часть земного шара и ввести новый рассказ в компьютер, звонит мой мобильный и я слышу его голос, хриплый и ужасный: «Thank you for your order (Спасибо за приказ). Спад ере». И

это означает, что извержение вулкана или акт террора произойдет в том самом месте в тот же день или несколько позже. И кто такой или что-такое Сиадере?

– Тебе это кажется или кто-то просто разыгрывает тебя. Возможно, этот кто-то – просто репортер, владеющий информацией из первых рук. Только непонятно, зачем ему это.

– Я выбросила мобильный, но продолжала слышать этот голос. – Я не могу никому рассказывать об этом – меня сочтут сумасшедшей. 9-го сентября 2001 года я стояла вон на том мосту. По нему шла колонна «КАМАЗов». А мне казалось, что это не грузовики, а монстры из «Звездных войн». А ночью во сне я увидела северное сияние.

Утром 10-го сентября меня вдруг неудержимо потянуло в библиотеку, которую я не посещала уже много лет. Неведомая сила направила меня к книжной полке, и я вынула из стопки книгу Лилии Алексеевой, «Небесные сполохи и земные заботы». В волнении открыла ее на четвертой странице. Первая глава называлась «Пожар небес». Начиналась она с эпиграфа из словаря В. Даля:

«Сполох, сполоха всякого рода беспокойство... хлопоты... общий вызов на помощь...»

Сполохи – северное сияние, столбы.

Сполохи дышат, дрожат, мерцают, то ярко, то бледно.

Сполохи играют разноцветными, пестрыми огнями».

А на следующий день весь мир, потрясенный пожаром Нью-Йоркского неба, сопереживал Америке.

Я начала писать рассказы об этом и других своих предчувствиях и вскоре обнаружила, что за мной началась слежка. Меня даже хотели убить!

Зазвонил Любин мобильный.

– Ну вот, опять Он! Ты слышишь его дыхание? Но Он молчит.

– Обыкновенный хулиган.

– Ты подозреваешь, что у меня шизофрения? Нет! Я никогда не повышаю голос на своих студентов, не боюсь ездить в тринадцатом вагоне, обожаю черных кошек, не испытываю желания прыгнуть с моста или броситься под поезд.

– Но кто Он? И что ему нужно от нас?

– Возможно, это связано с какими-то секретными научными исследованиями человеческого мозга.

– В таком случае Он должен быть из твоего окружения. Ведь он знает о тебе все. Может быть, это твой бывший научный руководитель профессор Орлов.

– Да, он крупный ученый. Но не думаю, что Орлов способен на такое.

– Тогда, может быть, это она... твоя подруга Лидия, например.

– Лидия – ведьма. Это знают все. Но у нее кишка тонка.

– Твоя сестра Галина? Когда-то она занималась наукой. К тому же между вами всегда было соперничество во всем: в учебе, в любовных романах. Как Галина завидовала тебе, когда ты переехала в столицу!

– Теперь ей нечему завидовать. **Я** – обыкновенный преподаватель, а она – богатая бизнеследи, пусть и в провинции.

– Тогда все это – игра твоего воображения.

– Но я ощущаю, что за всем этим действительно кроется какая-то тайна. Кто-то продолжает ставить эксперименты по внедрению в мозг ничего не подозревающих подопытных.

Во времена холодной войны все было однозначно: все тайные эксперименты проводились под контролем спецслужб двух великих держав. Но теперь экспериментаторы вышли из-под контроля. Богатые арабы, например, могли купить умы и тайно спонсировать секретные исследования. Да и не только арабы. Может быть, где-нибудь в горах Курдистана или в джунглях Амазонки или в таежной глуши живет какой-нибудь старичок и наблюдает за тем, что происходит в мире не без его участия. Многие математики пытаются найти уравнения реальности, которые позволят вступить в контакт с высшим разумом. Может быть, этот гений обдумывает свои проекты под сенью пальм на своей вилле во Флориде. А, может быть, он живет в соседнем доме в обычной квартире, ходит по утрам за молоком... Мой мозг постоянно сверлит мысль, что и мой отец имеет к этому какое-то отношение.

– С чего ты это взяла?

– Он выдающийся математик и врач и мог бы о многом рассказать мне, но он всегда замыкался, стоило мне только начать свои расспросы. А когда я начала обобщать все, что я видела и слышала, находясь рядом с ним, тогда и началась

эта слежка. Иногда я вдруг вижу его лабораторию, коллег и себя среди них, но очень смутно, никаких конкретных воспоминаний.

– Ты опять об этом! Никакой слежки нет!

– А отказ в визе? Прошлым летом мы с Оксаной поехали в Турцию, а не в Англию только потому, что кто-то устроил провокацию, и мне не дали визу.

* * *

Любу вызвали в посольство для собеседования. В то раннее утро улицы города были безлюдны, и потому она сразу обратила внимание на подозрительного мужчину, прячущегося за палаткой. Мужчина подбежал к ней и спросил, как пройти в посольство Великобритании.

– Какое совпадение! Я тоже иду туда.

Они прошли сотню метров, когда из-за угла выскочил взъерошенный парень с большим мешком в руке. Поравнявшись с ними, парень бросил мешок на тротуар и скрылся в подворотне. Любин попутчик поднял мешок, раскрыл его. И по тому, как он выпучил глаза, Люба сразу поняла, что в мешке что-то ценное.

– Здесь доллары! Целый мешок долларов! Поделимся?

Мужчина схватил Любу за руку и потащил в темный двор. Люба попыталась вырваться.

– Это провокация! – крикнула она и изо всех сил ударила

его.

Он выглядел сильно разочарованным.

– Надеюсь, вы не выдадите меня.

– Не могу обещать вам этого.

* * *

– Мама! Да это же известный трюк мошенников: подбросить кошелек, затащить клюнувшего наживку лоха в подворотню, а потом ограбить. – Я предупреждала тебя: на прием в посольство надо одеваться скромно, а ты навесила на себя все свои драгоценности.

– Но этот тип выбил меня из колеи, и в результате я не адекватно вела себя в посольстве.

– Тебе надо отдохнуть. Поезжай с моей Оксаной на какой-нибудь курорт.

* * *

Поздний вечер. Завывает ветер. Острые иголки дождя впиваются в лицо. Люба долго стоит у подъезда. Наконец вспоминает о ключе. Темный подъезд. Почему не горит лампочка? Чьи-то шаги. Собирает остатки мужества. Надо сделать рывок и добежать до узкого коридора, где находится лифт. Шаги. Из темноты приближается фигура в черном ка-

пошоне.

– Не смотри террористу в глаза!

– Кто сказал это? Фигура медленно надвигается на Любу. Она отворачивается. Он проходит мимо. Сердце ударяет по грудной клетке. Нажимает кнопку лифта. Снова шаги. Кажется, он возвращается.

– Осторожно, двери открываются.

Кто сказал это?

Лифт застрял на третьем этаже. В кабине – одна единственная лампочка на сорок ватт. Люба вытряхивает из сумки психотропные лекарства. Они падают на обрывки газет. Снова шаги. Кладет на язык какую-то таблетку. Судорожно глотает. Таблетка застревает в горле. Невидимые руки сжимают виски. Кажется, в сумке – пакетик морса. Слава богу, нашла. Что делать? Нажимает все кнопки подряд. Лифт стоит. Стоит и время. Где лекарство? В полумраке шарит рукой в ворохе газет.

«Купил 777? Купи и брошюру «Три семерочки»! Крово-красные буквы. N 22 2000. «Для тех, в ком жива страсть» – желтые буквы на черном фоне.

«Два человека могут спасти друг друга там, где один погибает». Оноре де Бальзак, французский писатель» – жирный шрифт в верхнем углу.

– Что им надо от меня? Хотят убить? Зачем?

Садится на пол и начинает разгадывать кроссворд. «В этом кроссворде 7 тайн – 7 ключей».

– Что я здесь делаю?

Достаёт мобильный. Связи нет.

– Надо что-то предпринять! Откуда свет?

Перед ней – знакомая стена. Зеленая в желтую крапинку.

– Кажется, мы с Оксаной сами расписали ее в прошлом году. Чего я жду? Лифт стоит на четвертом этаже. Это же мой этаж! Дверь открыта!

Бежит по коридору. Навстречу – ее собаки. Какие же они ласковые! Заходит в прихожую. Муж – в сортире. Разве это любовь?!

– Антон, почему не встретил меня на улице? – Я вынуждена работать по вечерам, чтобы и тебе сладко жилось... Там был киллер!

– Ты спятила!

– Хочу писать стихи! Не может быть поэтом тот, кто в здравом уме. Это не я сказала, это Демокрит сказал.

Не сразу замечает, что Антон также сильно возбужден: лицо багровое, лоб сморщен, руки дрожат...

– Не понимаю, как так можно?! – хрипит Антон. – Почему судья верит кому угодно, но не мне, порядочному человеку?! Почему верит лжесвидетелям?! Да, я был не сдержан, повысил голос на судью. Но как быть сдержанным, если тебя оклеветали, облили грязью. Затыкают рот мне, затыкают рот моим свидетелям! А мой адвокат! Спрашиваю его: «Может быть, им надо дать?» А он: «Что вы?! Дело совершенно ясное. Когда судья вынесет решение в вашу пользу, сделае-

те ей какой-нибудь презент». А этот наглый адвокат истцов! Хитер, сволочь! Прикинулся доброжелателем, я и расколосся: сказал, что взятку не давал. Они этим и воспользовались: сами дали.

– Антон, миленький, я больше не могу этого выносить! Каждый день одно и то же! Ты же видишь, что мои нервы на пределе! Мне так нужна спокойная обстановка! Сколько денег ты зря спустил на адвоката! Оставь все это! Пожалуйста...

– Если бы я был один, плюнул бы на них. Но у меня есть ты, есть наша дочь Кристина, есть маленькая Оксана. Я обязан о вас позаботиться. Что вы будете делать, если эти проходимцы отберут у меня недвижимость?

– Я больше не могу-у-у! Купи пистолет, я сама их пристрелю.

– Тебя посадят.

– Не успеют... Дай сигарету!

– 50 рублей.

– Что-о? Ты требуешь с меня 50 рублей за одну сигарету?

– Ты же знаешь – хочу, чтобы ты бросила курить.

– А я хочу, чтобы ты бросил пить.

– Я с горя пью... нам надо отдохнуть. Завтра поедем на речку – поджарим шашлыки.

– Я оставила в лифте психотропные лекарства. Пожалуйста, сходи за ними. Без них мне не заснуть.

Через три минуты Антон возвращается.

– Их там нет.

– Кто взял их? Почему он хочет, чтобы я сошла с ума?
Пожалуйста, сходи в аптеку «24 часа».

– Выпей молока.

– Тогда я сама пойду!

Ночь. Улица. Фонарь. Аптека. Темный подъезд и тот же человек в капюшоне. И снова лифт застревает на третьем этаже. Двери открываются. Зеленая стена, буквы, написанные черной краской: «Круто!»

– Он не хотел убить меня! Ему просто нравятся мои стихи.

Через лоджию переходит на лестницу. Там темно и страшно. Но надо подняться всего лишь на один этаж. Прислушивается. Тишина, только глухой отзвук ударов собственного сердца.

– Это вы убили моего отца! Вы! – женский крик из коридора.

– Я никого не убивала! Не убивала! – отвечает криком на крик. – Что это? Неужели померещилось?

Нет, не померещилось. Люба молчит, но вопль: «Не убивала я!» эхом отражается от стен длинного коридора. Кричат две женщины. Узнает в одной из них соседку. Вторую женщину, кажется, тоже знает. Это дочь старого полковника КГБ, который живет на втором этаже. Вернее уже жил. Не сразу осознает, что произошло. Полковника убила собака соседки. Не преднамеренно, конечно. Она просто сцепилась на темной лестнице с эрделем полковника. Полковник не удержался.

жал своего пса и покатился по лестнице. Падение оказалось смертельным.

Ночью мучают кошмары:

Палата N7 психиатрической больницы для лиц, пытавшихся установить несанкционированные контакты с Архангелом Михаилом.

Входит доктор в белом халате и обращается к ней со словами:

– Гражданка Раевская, так какие же послания, которые передавал вам Архангел Михаил, вы утаили от нас? Имейте в виду, что скрыть правду вам не удастся. Современная техника позволяет считывать информацию прямо с человеческого мозга.

– Тогда зачем вы спрашиваете меня? Вам и так все известно!

Доктор вдруг умолкает и в недоумении смотрит на нее.

– Где ваш халат?

– Люба опускает глаза – видит свои голые ноги...

– Где ваш халат? – повторяет вслух вопрос доктора и просыпается.

Холодно. Ее длинный, мягкий и теплый халат должен быть на спинке кресла возле кровати. Но его нет ни на спинке кресла, ни где-нибудь еще. Халат бесследно исчез.

– Будь спокойна! Ищи какое-нибудь рациональное объяснение, – говорит она себе. – Предположим, я действительно спятила. Что могло произойти в этом случае? Может быть,

ночью я встала с кровати, взяла халат, вышла на улицу и выбросила его. – Я оставалась спящей во время моей ночной прогулки и потому ничего не помню. Но тогда на полу, ботинках или ногах должны быть следы – на улице непролазная грязь... Нет! Никаких следов нет!

Дверь заперта на засов. Никто не мог проникнуть в квартиру. Никто, кроме человека-невидимки... Ерунда! Невидимки – только в фантастических фильмах. Однако халат бесследно исчез. Это не иголка, это – большая вещь. – Я должна придумать рациональное объяснение. Что-то, видимо, случилось с моими глазами или с моим мозгом: я не могу видеть то, что находится рядом.

Люба закрывает глаза и начинает шарить по комнате. Ощупывает все кресла. Рука не чувствует ничего, кроме обивки. Что это? Умственное расстройство или за этим кроется что-то еще? Теряет последние нервы. Вдруг видит яркую вспышку и... свой халат. Он лежит на том самом кресле, куда она вечером положила его. Слышит чей-то голос. Слышит так ясно, как-будто говорят прямо в ухо: «Your order will be fulfilled (Ваш приказ будет выполнен). Сиадере».

* * *

Вечер следующего дня. Комната Любы, напоминающая жилище мага: свечи, зеркала, кошки на спинках кресел. На диване дремлет пятнистый далматин, в клетке – черный во-

рон. Люба с внучкой Оксаной рассматривают диски.

Обнаженная женщина летает на метле по улицам ночного города. Это Маргарита из фильма «Мастер и Маргарита». Маргарита проникает через окно в квартиру врага Мастера и начинает крушить все, что попадает под руку.

Оксана вставляет другой диск.

Падают небоскребы Нью-Йорка, переворачиваются автобусы... Это Годзилла, самое страшное чудовище кинематографа.

Часы пробили полночь.

– Оксана! Ложись спать!

– Я тащусь от фантастических фильмов. Хочу сама написать сценарий и получить гонорар.

– Выкинь эту дурь из головы. Что нового ты сможешь придумать?

– А ты?

– Я – пенсионерка и могу позволить себе любое хобби. Тебе же нужна серьезная востребованная профессия. Поступишь в мой университет на факультет водоснабжения и водоотведения, станешь строительным инженером.

– Ты хочешь, чтобы я занималась канализацией?

– Будущие олигархи учатся именно на этом факультете. Так рекламируют его наши студенты.

Оксана возвращается к меню. Теперь на экране гибрид крокодила и динозавра.

– Оксана! Немедленно в постель!

Люба включает компьютер и сразу входит в состояние измененного сознания – пишет интересный рассказ «Тайна аномалий». События разворачиваются во Флориде вблизи загадочного Холма Призраков.

Много лет назад индейскую деревню терроризировал огромный аллигатор. Вождь племени, великий воин, убил его в сражении, но и сам погиб от ран. Его захоронили на северной стороне холма. Прошло много времени, пионеры начали обживать эти места. Но странные вещи происходили на холме. Кони отказывались спускаться вниз по склону, какая-то невидимая сила оказывала им противодействие...

Таких мест на земле не мало. В них нарушаются все законы природы: шары катятся вверх по наклонной плоскости, деревья в такой местности стоят не вертикально, а наклонно.

Люба пишет об этих аномалиях, а тем временем ее кот Марсик ведет себя все более странно: носится кругами, завывает, как дикий зверь, и пачкает ковры. Она щелкает его по носу и идет в ванную для того, чтобы налить воды в таз для мытья пола. Вода на редкость прозрачна, никаких следов ржавчины, на которую последнее время жалуются жильцы.

Кот, задрвав хвост, продолжает мешать. Изогнув спину, дико урчит и, высоко подпрыгнув, вцепляется в ногу. И в тот же момент вода в тазу вдруг приобретает коричневый цвет. Уже темно-коричневый, почти черный!

– Аномалия! Как объяснить это? Какая связь между компьютером, котом и водой? Но она существует! Мне не пока-

залось! Антон! Ты тоже видел темную воду!

– Если что-то нельзя понять, это не значит, что этого нет, – комментирует Антон. – И даже в колдовстве существует критическая масса, как в атомной бомбе. Большие деньги на это тратит Пентагон. Американцы не бросают денег на ветер! Но хватит об этом! Завтра вы будете уже на море.

* * *

Прошло десять дней.

Старый самолет «Ил 86» авиакомпании «Сибирь» трясло как телегу на ухабистой дороге. То и дело загоралось табло: «Пристегните ремни». Две руки соединились над проходом.

– I love you, – молодой американец крепко сжал ладонь сидевшей перед Любой девушки.

Оксана тоже схватила Любу за руку.

– Люба, у меня сердце замирает, как на американской горке. Почему все время светится табло?

– Не волнуйтесь, – мы просто находимся в зоне турбулентности, – «успокоила» их бортпроводница с белым как бумага лицом.

Аэробус рухнул в воздушную яму. Американец достал бутылку виски, наполнил стакан и выпил залпом. Затем отстегнул ремень и, схватив в объятия свою девушку, впился в ее губы долгим поцелуем.

Люба достала мобильный.

– Ура! Наконец-то появилась сеть.

В трубке слышались рыдания Кристины.

– Мама, я выгнала Стаса! Я это сделала!

Оксана вырвала мобильный из Любиных рук.

– Мамочка! Поздравляю тебя. Отчим... Нет, теперь не отчим, а просто Стас измывался надо мной.

– Оксана, дай мне трубку!

– Алло, Кристина! Крепись. Умоляю тебя, только не пей.

– Я потребовала, чтобы он забрал все, даже его антикварную люстру сняла. Не хочу, чтобы хоть что-то напоминало о нем.

– Ты не будешь раскаиваться потом?

– Нет, он совсем скатился. Каждый день требовал, чтобы я покупала ему бутылку хорошей водки. В аэропорт Оксану не смог проводить – кто-то избил его до синяков... Конечно, мне тяжело. Но как представляю этого ленивого жирного борова, развалившегося на моей постели, так противно становится...

Снова слышались глухие рыдания.

– Мне скучно без него.

– Он доил тебя, как козу.

– Я пушу его, если только он пересмотрит свою жизнь. Ну, давай!

– Этот новый сленг! Ни «до свидания», ни «увидимся». Просто: «давай».

* * *

– Алло, Кристина. Ты в порядке?

– Да, а как вы?

– Нормально. Скоро увидимся.

Люба отключила мобильный. Другие пассажиры продолжали болтать с родственниками и друзьями. И все разговоры заканчивались одним словом: «давай». Как будто теперь люди звонят друг другу только в надежде что-нибудь получить.

Люба закрыла глаза. В голове рождался сюжет нового романа.

– Знаю ли я то, что может стать самой большой сенсацией и потрясти умы? Да, мне кажется, что знаю. Должна ли я рассказать об этом? Не знаю...

Самолет выпустил шасси. Резкий толчок. Взрыв аплодисментов.

– Ура! Мы приземлились!

После восьмичасового ожидания задержанного рейса в аэропорту Пулы и тряски в зоне турбулентности в это почти не верилось.

– Наш самолет приземлился в Домодедово. Температура +29 °С. Просим оставаться на местах.

Оксана достала мобильный.

– Есть сеть! Алло, мамочка! Где ты?

– Мы с дедушкой ждем вас на выходе.

Время тянулось изнуряюще медленно.

– Алло, Оксана! Где же вы?

– Мы у трапа.

– Алло, Оксана! Где же вы? Говорят, был анонимный звонок о том, что в самолете заложена бомба. Мы очень волнуемся.

– Мы уже за бортом. Проходим паспортный контроль. Почему-то очень долго изучают фотографии детей. В Хорватии эта процедура заняла 30 секунд.

– Там еще не знают, что такое терроризм.

– Но причем тут дети? Или у нас уже и детей подозревают?

– Алло, Оксана! Ну, где же вы?

– Идем к выходу. Удалось проскользнуть незамеченными мимо таможенников. Они сосредоточились на черных. Мы с Любой проскочили без досмотра...

Кристина обняла и поцеловала дочь.

– Какая ты стала красавица! Как идет загар к твоим светлым волосам! Я смотрела сверху вниз, разыскивая в толпе девочку и даже не сразу узнала тебя. Ты смотришься фигуристой девицей. Наверное, парни тебе проходу не давали.

– Я их не замечала – бабушка держала меня в наморднике. А сама по ресторанам с пенсионерами шлялась...

Взглянув на Любиного мужа, Оксана прикусила язык.

– Не буду рассказывать – дедушка приревнует.

– А ты ничего смотришься, – Антон внимательно оглядел Любу. – И это ажурное колье на шее! Тебе его подарили?

Признавайся, что у тебя там было?

– Как ты можешь задавать такие вопросы?! Ты сам подарил мне это кольцо.

– Я пока в своем уме. Я не дарил тебе ЭТО кольцо.

– Ах, да. При досмотре его тоже заставили снять. Вернули уже без крупных камней – оставили только мелкие. Наверное, искали взрывчатку.

Антон внимательно рассмотрел «новое» кольцо и покачал головой, выражая сомнение.

– Оксана, расскажи, что было у бабушки с этими пенсионерами.

Это было в тот день, когда мы с бабушкой впервые поехали на катере в Ровень. Люба искала почту, чтобы отправить 15 кг своих рукописей с описанием фантастических видений и мистических контактов литературным агентам. Ей кажется, что в России за ней был хвост. Она обратилась к одному симпатичном старичку на хорватском. Он представился профессором хорватского языка и литературы и проводил нас до почты. А потом пригласил нас в пиццерию. Правда, пенсия у него, наверное, маленькая. Он посадил нас за столик, а сам побежал в банк снимать деньги со счета. Люба категорически отказалась, чтобы он платил за нас. Зато потом он предложил отвезти нас на своей машине на экскурсию в древнеримский амфитеатр в Пуле.

– Ну, и вы согласились?! – нервно произнес Антон. – Наверняка, это был агент ФСБ. – Люба ведет себя как будто она

– гражданка свободной страны. Отправляет свои дневники в Штаты, и хочет, чтобы за ней не было слежки.

– Люба тоже подумала, что это агент.

– Как мне это надоело! – крикнула Кристина. – Вы чокнутые. Какого черта вы нужны агентам?

– Да, мне тоже показалось, что мы просто понравились этому профессору, – поддержала ее Оксана. – Или же он принял Любу за богатую русскую – она дала официанту 30 % чаевых. Старичок просто обалдел – у них не принято давать на чай. И он сразу же сказал Любе, что холостяк – жена погибла в автокатастрофе. Спросил у Любы, есть ли у нее муж.

– Так, ты не ответила на мой вопрос! Что было у Любы с этим пенсионером? – спросил Антон.

– Мы отказались придти на свидание. Люба заранее подготовила на хорватском фразу: «Мне очень жаль, но мой муж не разрешает мне заводить знакомства с мужчинами». Пенсионер даже не мог скрыть, как он расстроен.

– И все-таки за мной следили! – продолжала настаивать Люба. – Меня хотели напугать или даже убить.

– Опять ты об этом! – отрывисто бросила Кристина.

– А ты не подумала о том, что кто-то хочет заработать на мне? Всем известно, что «лучший» художник – мертвый художник.

– Так было прежде. Теперь успеха можно добиться и при жизни.

– Это случилось на следующий день после того, как я от-

казалась от более тесного знакомства с профессором, – продолжила Люба свой рассказ. – Я шла по тротуару вдоль набережной. Любовалась морской далью, время от времени заглядывала в воду – по верху ходили косяки рыб. Не сразу обратила внимание на нарастающий шум мотора. Навстречу мне мчался с бешеной скоростью мотоциклист. Едва успела отскочить в сторону – он пронесся в сантиметре от меня. Только один сантиметр отделял меня от гибели. Страх сдавил виски. Я сделала несколько торопливых шагов и замерла – на тротуаре лежал раздавленный голубь. Наклонилась, чтобы поднять его и вдруг снова услышала гул мотора. Мотоциклист развернулся и, развивая скорость, мчался назад. Я вскочила на парапет, едва удерживаясь в равновесии. Он направил колеса на раздавленную птицу...

Я перешла через дорогу и продолжила путь, стараясь держаться ближе к домам. Вдруг с верхнего этажа кто-то выбросил темный предмет. Он упал прямо к моим ногам. И опять это был голубь. Сизый голубь агонизировал, широко раскрывая клюв. Но вот он перевернулся на спину и замер, сделав последний вдох.

– Мама! – Никто не хотел специально тебя напугать! Я почти каждый день натываюсь на раздавленных птиц – слишком много пьяных водителей!

И словно в подтверждение слов Кристины, со стороны шоссе донесся резкий скрежет тормозов, звон разбитого стекла и несколько выстрелов. Мертвый водитель одной из

столкнувшихся иномарок лежал на обочине, истекая кровью. На заднем сидении – двое раненых китайцев.

– Пойдемте отсюда! – крикнула Кристина. – У меня нет ни малейшего желания отвечать на вопросы милиции. Тем более что мы не можем дать никаких существенных показаний. Хорошо бы сейчас выпить по чашечке кофе.

– Здесь цены астрономические! – возразил Антон.

– Я угощаю. Могу хоть раз позволить себе ощутить себя на уровне с европейцами.

Они вернулись в зал ожидания, поднялись на второй этаж и направились к маленькому кафе. Кристина заказала кофе, пирожные и энергетический напиток.

– Мамочка, умоляю, не пей, – захныкала Оксана.

– Хватит об этом! – Расскажите лучше, как отдохнули на острове.

– В целом прекрасно. У побережья Хорватии сотни зеленых островов, чистейшее море. Это самое экологически чистое место в Европе. А воздух! Прозрачный и свежий. Так легко дышится полной грудью! Звери и птицы не боятся людей. Чайки выращивают птенцов прямо возле отеля. Еще там были удивительные черные птицы, похожие на маленьких лебедей. Они облюбовали большую черную скалу и никогда не подплывали к острову. Стоило приблизиться к ним на катере, птицы замирали, как изваяния, прижимались к скалам, и невозможно было отличить их от каменных россыпей. А ночные голоса! Чайки не просто кричали, они подражали че-

ловеческим голосам, иногда лаяли, иногда мяукали как дикие коты. Некоторых это раздражало, а нам нравилось – это были голоса дикой природы.

Да, это правда, – подтвердила Оксана. – Однажды вечером мы с Любой сидели на скамейке и любовались закатом. Вдруг Любе почудилось, что в двухстах метрах от берега движется огромное черное чудовище. Я посмотрела в ту сторону, куда указывала Люба, но ничего не увидела, кроме плещущихся волн. И чайки вдруг громко захохотали. Ну, хватит кофеиничать, пора искать такси.

* * *

За окном такси мелькали знакомые пейзажи: стройные белоствольные березы с бордовой листвой, малиновая травка, ярко-желтые мохнатые ели, а над ними затянутое оранжевым смогом тусклое небо. Люба уже привыкла к тому, что временами видит мир в искаженном цвете.

Кристина закурила. Люба знала, что возражать бесполезно.

– У меня горит спина! – заорал Антон. – Чертовы курильщики! Ты прожгла мою рубашку! Это моя любимая рубашка! Только в ней мне не жарко.

– Я заштопаю, – пообещала Кристина.

– Неужели ты думаешь, что Люба будет ходить на прогулки с мужчиной в заштопанной рубашке?!

– Боже, как мне все это надоело! – крикнула Люба и снова закрыла глаза и ушла в свои мысли.

Я напишу об этой зоне! Я сделаю это! Люди должны знать, кем в действительности творятся преступления на земном шаре. Как жаль, что когда есть мысли, под рукой нет блокнота!

– Так что же все-таки происходит с твоим мозгом? – поинтересовался Антон.

– Почти каждый вечер мы сидели на той самой скамейке и наблюдали за черными птицами на скале. Они были словно не живые: не летали, не плавали, не кричали, в отличие от чаек. Но дня за два до нашего отъезда черные птицы все разом вспорхнули со скалы и опустились на воду. Потом они образовали продолговатый треугольник, похожий на лодку. «Лодка» начала медленно двигаться к нашему берегу. Вдруг, плывший во главе, лебедь нырнул и скрылся под водой. За ним последовали другие птицы.

Долгое время они не всплывали на поверхность. Затем начали появляться одна за другой, словно танцуя, и снова исчезали под водой. Это было похоже на волшебство. Ночью мне приснился сон.

– Я еду в автобусе. Все места заняты пассажирами. Расслабилась – смотрю в окно, за которым мелькают насыщенные зеленую деревья, лысые бурые островки земли, окруженные полынью.

Автобус делает крутой поворот и, внезапно перевернув-

шись, стремительно летит куда-то вниз. Один миг отделяет меня и других от смертоносного приземления. – Я ощущаю озноб, хочется кричать, кричать громко, как будто в этом вопле заложено спасение. Хочется ухватиться за что-то, но ухватиться не за что.

– Неужели конец? Молчи, молчи, крик не поможет, крик унижит, – внушаю себе.

И вдруг, зацепившись за ствол высохшей старой яблони, автобус повисает над пропастью. Ствол прогибается, издавая сухой треск, но не ломается – старая яблоня держит свою ношу.

Пассажиры лежат в куче, стараясь не двигаться в надежде продлить мгновения жизни. Автобус слегка покачивается под натиском ветра, жалобно стонет дерево. Я начала пробираться к выходу. Открыла дверь и, зажмурившись, прыгнула. Приземлилась на кучу песка, огляделась вокруг. Людей отделяло от спасения всего несколько метров, но они боялись прыжка и оставались в автобусе. Они не знали, что будут жить, даже если обломится ствол.

И, как и прежде, и танец черных лебедей, и мой сон оказались вещими. Один за другим следовали сообщения о гибели туристов, ехавших в автобусе; о затонувшем кораблике с туристами у побережья Турции; о крушении российского вертолета...

– Мама, я понимаю, что твои экстрасенсорные способности волнуют тебя больше, чем собственная дочь. Но как бы

мне хотелось, чтобы ты была обычной матерью, с которой можно обсуждать свои личные проблемы.

– Да, я виновата в том, что упустила тебя в самый ответственный момент, когда ты из подростка превратилась в девушку. Но я была так занята своей работой над диссертацией...

* * *

Это случилось в тот год, когда Кристину перевели в новую школу. В одном классе с ней оказалась Лена Швединская, мужеподобная, не по годам развитая девица с красивым, но грубым, словно высеченным из камня лицом. Швединская была способной ученицей и пользовалась в классе непререкаемым авторитетом. Никто из одноклассников, даже мальчишки, не осмеливались вступать с ней в спор – их ждала немедленная расправа.

На первой же перемене Лена подошла к Кристине.

– У тебя деньги есть?

– Да, мама дала на булочку.

– Пойди в буфет и купи ее для меня.

– С какой это стати?

– Ах, ты еще не знаешь? Так знай: мое слово здесь закон.

– Не знаю и не хочу знать.

Лицо Швединской побагровело от злости. Надо сразу показать этой новенькой, кто есть кто. Она схватила Кристину

за волосы и поволокла ее в туалет.

– Ребята! Идите на подмогу! – позвала Швединская.

С помощью двух мальчишек Лена поставила сопротивляющуюся Кристину в унитаз с дерьмом и спустила воду.

– Запомни! Так будет всегда, если ты не будешь меня слушаться. А если расскажешь родителям, считай, что ты – не жилец.

А Люба тогда недоумевала, почему дочь стала хуже учиться и почему вдруг начала заниматься упражнениями с гантелями и ходить в секцию каратэ. А по воскресным дням направлялась на дрессировочную площадку с их овчаркой по кличке Ермак, где пса обучали искусству задержания нарушителя. Нередко между возбужденными тренировкой собаками завязывались жестокие драки. Однажды с привязанным к дереву Ермаком сцепился огромный серый дог, носивший титул «лучшего представителя породы». Во время схватки случилось непредвиденное: поводок каким-то непонятным образом обмотался вокруг шеи овчарки. Ермак задыхался и хрипел, а дог все сильнее стягивал смертоносную петлю, не обращая внимания ни на окрики хозяина, ни на удары палкой. Кристина в состоянии аффекта пошла в атаку на разъяренного пса и сунула руку в его пасть. И дог, наверное, растерзал бы ее, если бы не вмешательство ротвейлера. Кобель тихо подкрался к догу сзади и откусил чемпиону хвост.

Кристина готовила себя к поединку. Она поняла, что сла-

бому не удержаться на плаву. К этому времени она выросла и похорошела, и на нее начали заглядываться парни. Как-то Кристина возвращалась из школы по центральной улице городка, в котором они тогда жили. Вдруг рядом с ней притормозили «Жигули». В машине, кроме парня за рулем, сидели Швединская и еще двое ребят.

– Кристина, привет! – крикнула Швединская.

Кристина замедлила шаг. Она выглядела очень эффектно в своем новом красном пиджачке и мини-юбке.

– Девочка в красном, дашь нам несчастным?

Ни слова не говоря, Кристина подняла с земли огромный булыжник и с размаху всадила его в лобовое стекло.

– Ах ты, сука!

Парни выпрыгнули из машины и бросились к Кристине.

– Стойте! – завопила Швединская. – Я сама с ней разберусь. Ребята, вы будете свидетелями, как я проучу эту выскочку.

Кристина и Швединская направились вглубь парка. Там на пустынной аллее и произошла схватка. Швединская была намного массивней, но Кристина уже владела приемами борьбы. Увертываясь от прямого столкновения, она наносила ногами сильные удары в живот, и так отделала Швединскую, что та в беспомощности осталась лежать на земле. У парней отвисли челюсти, когда они увидели, что Кристина возвращается одна.

После того, как Кристина одержала победу в дуэли, Шве-

динской ничего не оставалось, как смириться с присутствием «девочки в красном» на школьных вечеринках. Иногда к ним присоединялся местный донжуан Гоша Кривобоков, которому было уже восемнадцать. Несмотря на свою фамилию, Гоша выделялся среди всех парней их маленького подмосковного городка замечательной наружностью: у него были огромные бирюзовые глаза, обрамленные черными ресницами, а свои густые волосы он осветлил блондораном до цвета спелой пшеницы. Это было круто, и по нему сохли как пятнадцатилетние школьницы, так и взрослые женщины. Любая девочка, которую он удостаивал своим вниманием, могла рассчитывать на подмешанное на зависти уважение со стороны своих подруг. Кристина также втайне была влюблена в Гошу, но он почти не обращал на нее внимания – парни считали ее недотрогой. Однако после того как Гоша узнал, что Кристина сделала Швединскую, он начал пристальнее приглядываться к ней...

В тот вечер Люба попросила Кристину погулять с Ермаком. Девочка сразу же согласилась – если Гоша встретит ее в обществе выдрессированной немецкой овчарки, у нее появится шанс привлечь его внимание.

Гоша тусил в парке возле пивной в обществе двух корешей.

– Это твоя собака?

– Да, моя.

– А она умеет что-нибудь делать?

– У нее медали первой степени по ОКД и ЗКС.

– Да ладно!

– Не веришь? Хочешь, покажу?

– Ну, давай.

Кристина положила под дерево свою сумочку.

– Ермак, охраняй! А ты, – обратилась она к Гоше, – теперь прогуляйся мимо.

– А он меня не укусит?

– Нет, гарантирую... Что, испугался?

– Я?!

Гоша медленно пошел к дереву. Ермак, не шелохнувшись, следил за ним глазами.

– Да ты не стесняйся, прогуливайся мимо него взад – вперед, взад-вперед...

– Я прогуливаюсь, а он – ноль внимания.

– А ты попробуй протянуть руку к сумке!

Парень начал изображать, что его интересует сумка. Ермак издал предупредительный рык, но, как только Гоша приблизился на несколько шагов, вскочил и с грозным видом заслонил своим телом предмет, который ему поручили охранять.

– Рукой не маши! – Кристина слишком поздно произнесла эти слова.

Гоша попытался схватить сумку, и в ту же минуту Ермак впился зубами в его руку.

– Фу! – крикнула Кристина, и собака тут же выпустила

рукав.

– Прокусил, гад! – Гоша хотел было пнуть Ермака, но вовремя остановился.

– А ты пописай на рану. Быстро заживет!

– Ах ты!..

– Следи за базаром. Ермак, ко мне!

Пес обежал вокруг Кристины и сел у ее левой ноги.

– Рядом! – скомандовала Кристина и торжественно удалилась с места представления...

С того дня Гоша начал демонстративно ухаживать за Кристиной. Девчонки лопались от зависти, а парни пытались выяснить, было ли у них что-нибудь или не было.

Перед майскими каникулами случилось невероятное: Лена Швединская пригласила Кристину к себе на дачу. Она надеялась, что к их компании примкнет и Гоша, а это повысило бы ее пошатнувшийся в последнее время авторитет. К тому же она давно вынашивала план мести. Ее ближайшая подруга Шматина сохла по Гоше и надеялась, что на даче ей удастся уговорить его по пьяни трахнуть ее, и она расскажет об этом Кристине. Однако девочки и не подозревали, что окажутся в двух шагах от того, чтобы стать соучастницами преступления.

Весна началась рано, и сад был наполнен ароматами цветущей сирени. Они растворялись в вине, кружили голову, расслабляли тело, возбуждали пробудившуюся чувственность, и Кристина почти не оказала сопротивления, когда

Гоша поволок ее в сарай и, бросив на охапку сена, сразу же овладел ею. Ее только удивило, что он был так груб и истязал ее до полного изнеможения. И где те красивые слова, которые она так ждала от него?! Внезапно он сильно ударил ее по лицу. Бил кулаком прямо в глаз. Потом скрутил назад руки и позвал парней.

– Дарю вам эту шлюху. Она, видите ли, целку из себя строила! **Я** перед ней расстилался и так и этак, а она давно не девочка!

– Это неправда! У меня никого не было!

– Ты что с ума сошел? Что над девкой издеваешься? – эти слова раздалась за спиной Кристины, когда она, не помня себя от отвращения, перепрыгивая через кусты, бросилась к речке.

– Покончить разом с этим позором! Что повесить на шею? – мысли путались в ее голове.

Кристина стояла на мостике, с которого полоскали белье, и неподвижным взглядом смотрела в темную глубину омута. Она испытывала полную утрату всех чувств, включая страх шагнуть в небытие. Вдруг кто-то крепко схватил ее за плечи. Она увидела искаженное неподдельным волнением лицо Швединской.

– Кристина, выкинь это из головы! С кем не бывает! Он дурак! Козел! Мы никому ни слова.

– А синяк под глазом? Что я скажу родителям? Как в классе с ним появлюсь?!

– Скажешь, что в аварию попали или что пьяные на улице пристали... Хочешь, я попрошу, чтобы мне тоже фингал подставили? Прости меня, если можешь. – Я больше никогда не буду такой...

Синяк прошел, но месячные, которые до сих пор приходили регулярно, задержались на три дня. Швединская посоветовала принять горячую ванну.

Люба была так поглощена подготовкой к защите диссертации, что не предавала особого значения странному поведению Кристины. Та стала раздражительной, огрызалась по любому поводу, доходя до вспышек ярости и агрессивности. В дневнике появились двойки, но все попытки поговорить по душам заканчивались неудачей и растущим отчуждением...

И однажды, придя домой, Люба застала Кристину сидящей в кресле в бесчувственном состоянии. Она бросилась к дочери. Пульс прощупывался. Рядом на полу валялся пустой пузырек, в котором еще вчера было не менее двадцати таблеток димедрола.

– «Скорая»? Скорее! Скорее! Попытка самоубийства. Отравление димедролом.

К счастью, «скорая» приехала через десять минут. Сделали промывание желудка и, сказав, что прямая угроза жизни миновала, забрали Кристину в городскую больницу. Люба поехала с ней. Врач, осмотревший Кристину, сообщил, что ночью ее нельзя оставлять без присмотра, а утром за ней приедут санитары из психиатрической больницы.

– Санитары? Зачем? Может быть, можно обойтись без этого?

– Мы обязаны сообщить о попытке суицида. И консилиум с участием психиатра поставит окончательный диагноз.

– Но ей гораздо лучше! А постановка на учет в психдиспансер – клеймо на всю жизнь!

– Меня хотят запрятать в сумасшедший дом?! – Кристина вскочила с больничной койки, и, оттолкнув врача, бросилась к выходу.

– Держите ее!

Двое молодых врачей успели перехватить ее в коридоре. Но силы ее удесятерились. Она яростно сопротивлялась, кричала и плакала, повторяя, что не хочет в сумасшедший дом. Все же им удалось скрутить ее и привязать к кровати. Они сделали ей укол, и через некоторое время она успокоилась.

– Ладно, завтра во всем разберемся – утро вечера мудренее. А вам, мамаша, лучше остаться здесь, – обратился к Любе дежурный врач. – Документы у вас с собой? Психиатр будет в восемь утра.

Кристина очнулась с первыми лучами солнца и увидела мать, сидевшую на табуретке у изголовья кровати.

– Ну, как ты?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.